

A photograph of a person's back, showing a long, thick braid of vibrant blue hair. Two hands are visible at the bottom, holding the ends of the braid. The background is a plain, light gray.

ИЛЛЯ КАЗАКОВ ДЕВУШКА ЗА СПИНОЙ

ТАЛАНТЛИВО. ЧЕСТНО. ВЕСЕЛО

Илья Аркадьевич Казаков

Девушка за спиной (сборник)

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25720271
Девушка за спиной: [рассказы]: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-982999-7*

Аннотация

Тонкие и захватывающие психологические рассказы Ильи Казакова покорили Рунет. Мужская аудитория считает его своим автором, женская – своим. Казаков идет по жизни с широко раскрытыми глазами и с интересом слушает своих читателей, а они – его. Пронзительно честные, душевные, жизненные, предельно искренние новеллы автора о сложных взаимоотношениях между мужчинами и женщинами отражают всю суть нашего беспокойного времени. Это стиль Довлатова и юмор Зощенко.

Илья Казаков более двух десятков лет работает на телевидении в качестве популярного комментатора и ведущего спортивных программ, работал пресс-атташе сборной России по футболу, написал несколько книг о футболе. Теперь с присущим ему талантом и остроумием он вторгается на новую территорию – современной романтической прозы. И делает это блестяще.

Содержание

Старое платье	5
Амнезия	12
Душительница	21
Прогноз погоды	27
Чужой столик	35
Конкурс	41
Танечка и Женечка	48
День рождения	52
Супчик	58
Картошка	66
Случай	76
Гриб	84
Колдовство	90
Лепс	97
Духи для Пушкина	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Илья Аркадьевич Казаков

Девушка за спиной

Рассказы

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© И. А. Казаков, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Старое платье

Я лежал на кровати и смотрел на ее отражение в зеркале.

Мне нравилось разглядывать ее именно так. Шкаф был куплен пару недель назад, ещё пах лаком и в нем не успели поселиться скелеты, а зеркало отражало только ее и иногда меня.

Когда говорят, что все женщины – собственницы, я не соглашаюсь. Мужчины собственники не в пример больше. Женщине достаточно, когда ты просто с ней. Все твои «прошлые» – знамя ее победы. Она выиграла финал и может торжествовать. Не забывая, правда, на всякий случай оглядываться.

Нам же воспоминания о «прошлых» малоприятны. И если мы слышим: «Как долго я тебя ждала», то раздражаемся, что ждала не одна.

Она видела, что я ее рассматриваю. И нарочно крутила бёдрами.

Очень красивыми бёдрами, надо сказать.

– Очень, – искренне сказал я, услышав вопрос, идёт ли ей это белье.

Ей всё шло. Она могла завернуться в полотенце после душа и всё равно выглядела как Одри Хепбёрн.

Вот уже три недели как я сходил с ума.

– Милый, ты же сердисься на меня, что мы сегодня туда

идём? – спросила она.

Я пожал плечами. Настолько, насколько это можно было сделать, лёжа на спине.

– Ты же понимаешь, что нас больше ничего не связывает. У меня есть только ты.

Я не знал, зачем она снова начала этот неприятный мне разговор.

Я его никогда не видел, не хотел ничего слышать о нем.

Его просто не было. Ее бывшего.

Не было.

– Я же не виновата, что его тоже позвали. Они ведь друзья.

Подошла ко мне – уже в колготках и блузке. У неё всегда были удивительно сладкие губы.

– Мой ревнивый дурачок.

Я не спорил. Даже не пытался.

Особняк казался гигантским. И выглядел так, словно ему было лет двести, хотя точно был построен недавно.

С ней здоровались. Со мной нет.

Она это видела и постоянно пробовала меня поддержать. Прижималась теснее. Держала за талию. Я это ценил – и одновременно раздражался. И всё не мог угадать – кто он?

С этим седым, но еще молодым она поздоровалась сухо, но он задержал свои губы у ее щеки дольше, чем было нужно.

С этим худющим лысым она была приветлива и даже покраснела.

Я не знал, зачем я здесь. Не знал, почему я был слишком деликатным с ней. Не мог сказать, что меня раздражает.

Тридцать лет – странный возраст. Хотя, вероятно, дело было вовсе не в количестве прожитых лет.

А во мне.

Или, скорее – в ней.

На первом же свидании она сказала, что против серьезных отношений. Я спросил: почему? Она не ответила.

Я спросил еще раз. Тогда она сказала, что слишком сильно любила своего бывшего мужчину. Что он сделал ей очень больно и она не хочет, чтобы это повторилось когда-нибудь с кем-нибудь еще.

Я сказал, что моя мама мечтала о сыне-враче. Что я так и не стал врачом. Но могу попробовать вылечить ее.

Ей стало смешно. И она никуда не ушла.

Ни в тот вечер, ни в последующий.

Я был нежен с ней, даже когда меня что-то раздражало. Ежедневно нежен. Настолько, что даже когда я слушал в машине по пути на работу шансон, мне по-прежнему мерещилось, что это играет «Радио Jazz».

Я сразу понял, что это он. Когда увидел, как он на нее смотрит. А она на него. Можно было даже не спрашивать.

Рядом с ним была девушка. Тоже стройная, тоже рыжеволосая. И даже смеялась приблизительно так же.

Она увидела, что я смотрю на него и сразу же прислони-

лась ко мне. Сзади, сплетя руки у меня на груди.

– Ничего не хочешь сказать? – спросил я.

Она покачала головой.

– О'кей.

Настроение у меня окончательно испортилось. Я посмотрел на часы. Мы были здесь уже больше часа. Три бокала шампанского, ощущение собственной ненужности и впустую потраченного времени.

Я оставил ее и подошел к стойке бара. Бармен вопросительно посмотрел на меня.

– Виски, – сказал я и удивился, как хрипло звучит мой голос. Поставил пустой стаканчик на черное стекло и попросил повторить.

Она осталась стоять там, где я ее оставил. Не сводила с него глаз. Даже не заметила меня. Я взял ее за руку. Вероятно, слишком сильно, потому что она вскрикнула. Посмотрела на меня удивленно.

– Поехали, – сказал я.

Мне было всё равно, поедет она со мной или нет. Завтра бы я сожалел, а сегодня нет. Но она послушно пошла. Чуть не успевая за мной, но я не выпускал ее руки. Практически тащил.

В такси я поцеловал ее. Потом сжал ее волосы, намотав их себе на кулак. Наверное, ей было больно. Но я старался, чтобы не очень.

Платье треснуло так громко, что я сначала даже не поверил, что шелк может так звучать.

Она смотрела на меня, а я на нее. И уже не видел в ее глазах его, только себя.

– Это мое любимое платье, – сказала она.

Без вызова или обиды. Просто свидетельствуя то, что я сейчас сделал.

– Я всё видел, – сказал я и толкнул ее на кровать.

Снял с себя одежду. Затем сдернул с нее колготки и так же легко, как платье, разорвал на ней белье.

– Нет! – сказала она. – Нет!

Но я не послушался и взял ее так жестко, что удивил сам себя.

Она дышала мне в шею, не переставая гладить. Рука сползала от груди к животу и затем возвращалась обратно.

– Можно задать тебе один вопрос?

Я кивнул. Я знал, что теперь она точно моя, и не боялся никаких вопросов.

Вообще ничего не боялся.

– Ты сказал, что всё видел? Что видел?

– Куда и как ты смотрела.

Она вздохнула.

– Мне совсем его не жалко. Наверное, ты был прав.

Я ее не понял. Не понял второй фразы.

– Давно надо было с ним расстаться. Но я не могла. Я

его очень любила... Привыкла за столько лет. – Она засмеялась. – Так здорово было чувствовать его на себе. Была какая-то удивительная приятность.

Мне реально было уже всё равно. Я словно что-то порвал вместе с платьем. Какие-то страхи или комплексы.

– Когда я увидела его на той девушке, я просто не поверила.

Я совсем перестал ее понимать. Просто слушал.

– Я его купила в крошечном городке рядом с Римом. Давным-давно, с первой зарплаты. Такой маленький магазин, магазин-ателье. Меньше этой спальни. И была уверена, что таких больше нет. Мне так сказали тогда – оно одно на целом свете.

– Ты о чем? – спросил я, догадываясь.

Она хлопнула меня по плечу.

– О платье! На той девушке, на которую я смотрела весь вечер, было точно такое же, но новое. Ты же тоже заметил, я видела, как ты глаз с нее не спускал.

– Да... – сказал я. Потому что просто надо было что-то сказать. И потом не выдержал. Спросил: – А он?..

– Он? – переспросила она и вдруг поняла.

Снова провела по мне ноготками, это было удивительно приятно.

– А он не пришел, наверное. Я его не видела.

Я лежал и думал: сказать ей «выходи за меня» или нет?

Она засмеялась.

– Знаешь, я так хотела, чтобы меня мой любимый человек однажды взял именно так. Разорвав на мне одежду. Силой, но без грубости... – Прижалась ко мне. – Мне хорошо с тобой.

Думать дальше не было никакого смысла.

И я сказал.

Амнезия

– Что со мной? – спросил Ираклий, и по его взгляду было понятно, что он сомневается даже в нас – настоящие ли мы? – не говоря уже о недавнем прошлом. На лбу у него пухла шишка, формой и цветом напоминая переспелое яблоко, чудом провисевшее нетронутым на ветке до октября.

– Ты как товарищ Бендер, – виновато сказал Андрей. – Попал под лошадь своим породистым грузинским лицом.

– Под какую лошадь?

Выпивать на детской площадке, конечно, не стоило. Но их в Москве стало столько, что ранним вечером в пятницу так легко было найти пустующую. С качелями, каруселями и домиками-теремками. В принципе, мы выпили не на ней, а до нее. Чтобы не переходить границы. И только потом вступили на резиновые плиты, по которым так весело было бегать. Пожалуй, только ранней весной бывает ощущение той детской легкости – когда хочется раскинуть руки как крылья и полететь над землей. Вот и мы бегали, качались на качелях, пытаясь сделать «солнышко». Но избегали каруселей, чтобы не травмировать раньше времени вестибулярный аппарат.

Ираклий бежал быстрее всех. И совершенно напрасно опускал при этом голову. Андрей увидел его слишком поздно, чтобы попытаться затормозить на красивых качелях в форме кареты. Это было как в замедленной съемке. Сначала

ла наш грузинский друг полетел, потом упал. Мы бежали к нему изо всех сил и – стыдно признаться – не сразу сумели справиться с хохотом.

– Тебе надо домой, – сказал я. – Ледяной компресс – и полежать. Лучше – прямо до завтра.

Ираклий смотрел сквозь меня. От этого было не по себе.

– Какое сегодня число? – спросил Андрей.

– Двадцать первое.

– А месяц?

– Четвертый.

Мы переглянулись. Чтобы пожать плечами.

– Вроде нормальный, – сказал я.

Мы довели его до такси, которое стояло неподалеку.

– Давай мы с тобой поедem. Мало ли...

Он отказался и умчался от нас. Я смотрел вслед машине, а когда перевел взгляд, увидел на другой стороне улицы электронное табло на доме. На котором горели три цифры – «21» и «4». И как-то мне это не понравилось. Настолько, что я потянул Андрея за руку и показал в ту сторону. Он посмотрел на табло, потом на меня. Взгляд его был напряженным, как мои мысли.

Дверь в подъезд открылась сразу, пальцы сами вызвонили на клавиатуре домофона знакомый код. А ключ от квартиры никак не хотел поворачиваться в скважине, застрял в ней напрочь.

Ираклий его крутил, вертел. Толкал дверь, пытался чуть приподнять ее, полагая, что ее перекосило и поэтому ключ не хочет открывать замок.

И тут дверь распахнулась. Женщина смотрела на Ираклия так, словно удивлялась, вопрос только – чему именно?

– Извини, Лена, – сказал он жене и шагнул в прихожую. – Меня лошадь сбила. Наверное, поэтому всё не так.

Снял ботинки, прямо в куртке прошел в гостиную и рухнул на диван, желая, чтобы никто его не трогал. Чтобы дали выспаться. Лена повернулась к полуголому мужчине, выглядывавшему из спальни, и приложила палец к губам. Но прежде прозвучало мужское:

– Это кто?

С очень угрожающими интонациями. Ираклий встал с дивана и сжал кулаки. И тот, голый, тоже приготовился к драке.

Его телефон не отвечал.

– Как думаешь, – спросил я, – он в порядке?

Андрей пожал плечами, и только.

– Такси не найдешь. Если бы он по телефону его заказал, а то просто сел в первое попавшееся и вперед.

– Звони, – сказал он, подумав.

И я звонил. Снова и снова. Пока мне не ответили.

– Хрен моржовый! – заорали мы в трубку. – Ты цел?

– Кто это? – ответили нам. Женским голосом.

– Где Ираклий? Что с ним?

– Можете его забрать по адресу... – сказал голос.
И назвал совершенно незнакомую улицу.

Такси приехало почти сразу. Я смотрел в окошко на радостных москвичей и думал: почему его занесло именно туда?

Водитель домчал с ветерком. Домофон тоже открыли сразу.

– Здравствуйте, – произнес я, когда дверь распахнулась, и... вытаращил глаза. На его бывшую.

Я впервые переступил порог ее квартиры. Она нас недолюбливала. Или не любила. Считала, что мы плохо на него влияем, как разведенные. Возможно, была права.

После того как Ираклий женился и переехал к ней в центр, мы ни разу не собирались у него дома. Рестораны, дома отдыха, бани, но только не квартира...

Он лежал на спине, широко раскинув руки и закрыв глаза. И выглядел совершенно счастливым. Несмотря на свежий синяк под глазом и гематому во весь лоб.

– Наверное, надо вызвать полицию, – нерешительно сказал Андрей. – Вдруг он умрет.

Ее новый муж схватил его за руку и сказал:

– Не надо.

– С ним все в порядке. Он резко встал и поэтому упал. Закружилась голова. – Ленин голос почти не дрожал.

Можно было бы поверить, если бы не синяк под глазом.

Можно упасть и удариться, но только не этим местом – если рядом нет мебели с острыми углами.

Ираклия определенно били.

Мускулатура у мужика была достойная.

Будь он похилее, можно было бы с ним подраться. А так – разве что вдвоем на одного.

Пока я вяло размышлял об этом, Ираклий открыл глаза. Мы поняли это не сразу, только после того, как он спросил:

– Что мы тут делаем?

Ответить на это было сложно.

– Кратковременная амнезия, – сказал я. – Возникает от сильного удара и, вероятно, исчезает от того же самого.

– Лечи подобное подобным, – добавил Андрей. – Еще древние говорили.

На детскую площадку мы не пошли. Хотя она была совсем рядом и тоже совершенно пустая. В кафе было как-то надежнее.

– Что удивительно, – начал Ираклий, – я ведь совершенно забыл, что мы в разводе. Приперся туда.

– Ты как Доцент, – хмыкнул Андрей. – До сих помню, а дальше не помню.

Я подумал и предположил:

– У тебя, наверное, чувство вины осталось подсознательно. Когда выпивал с нами раньше, было некомфортно – в предчувствии люлей дома. Вот и сработало: чувствовал себя плохо, выпили, мы рядом. Всё совпало, ты и рванул в преж-

нюю жизнь.

– Согласен, – сказал Ираклий. – Я как развелся, сколько бы мы ни выпивали – никогда плохо не было.

– Чего ты в драку полез? С новым мужем.

– А как? – не понял он. – Он же голый, в моей спальне. Если бы мне всё равно было, тогда бы не полез.

– В смысле: «всё равно»? – не поняли мы.

Ираклий потупился.

– Я когда на диван лег, мне хорошо стало. Пахло так... знакомо. Диван, дом, и она молчала, не ругалась, как обычно. И вдруг этот. Голый.

– Ясно, – сказал я, пытаюсь представить себя на его месте.

– Я, может быть, всегда этого хотел, – сказал он.

И мы снова не поняли, о чем он.

– Чтобы она виноватой передо мной была, чтобы не только я. Накричать на нее, чтобы она правоту мою почувствовала.

– Накричал? – спросил Андрей.

Ираклий потер синяк. Поморщился.

– Ладно, – сказал я. – Ты ушел и ушел, а ему мучиться.

– Почему? – быстро спросил Ираклий.

– Не потому, что ты пришел, – пояснил Андрей. – И не потому, что она тебе дверь открыла.

– Ты на его диван лег. Как хозяин. А она не прогнала, даже слова не сказала.

Он смотрел на нас и сомневался.

– Думаете, поэтому он меня и ударил?

– Конечно, – сказал я. – Какие сомнения?

– Диван, брат, это не хрен собачий, – кивнул Андрей и поднял стакан с виски, салютуя героя. – Диван – это главное место для мужика в квартире.

Мы чокнулись, выпили и вдруг он спросил. Словно не у нас, а себя:

– Может, она меня все еще любит?

Мы вздрогнули.

– У тебя же амнезия была, а не слабоумие, – сказал Андрей. – Она не любит. Просто ей как бальзам на душу, что мужья из-за нее у нее же на глазах подрались.

– Так он победил, – грустно сказал Ираклий.

– Ни хрена ты в бабах не понимаешь, – сказал я.

Он неожиданно обиделся.

– Можно подумать, ты понимаешь.

– Тоже не понимает, – вмешался Андрей. – Их вообще понять невозможно.

Ираклий смотрел на нас и о чем-то думал. Разве что не гудел от напряжения.

– Знаете что?

Мы не знали.

– Я ведь до сих пор еще ее люблю, гадину. Ненавижу и люблю.

– Бывает, – сказал я с неопределенной интонацией. Потому что тема эта мне нравилась все меньше.

– Я подумал, если от удара по голове бывает амнезия, ну

у меня уже точно, может быть, надо мне так дать, чтобы я совсем ее забыл?

Он не шутил.

– А как дать? – спросил я. – Так и убить можно.

– Если ты вообще всё забудешь? – поинтересовался Андрей.

Но он нас уже не слышал. Склонился к нам и говорил слишком быстро:

– Я всё придумал. Вы меня сейчас ударите как следует. Когда очнусь, скажете, что я влюблен в кого-ни- будь.

– Представляешь, – задумчиво сказал Андрей, – ты очнешься и вдруг узнаешь, что гей.

Ираклий побледнел.

– Да ладно, – вмешался я. – Не бойся. – И смотрел на его стакан. На то, как тают две таблетки от бессонницы на дне.

Мне обычно хватало половинки, чтобы отрубиться сразу и надолго. Но тут дело было серьезнее.

– Давайте до дна, за успех нашего дела.

Мы выпили.

Через пятнадцать минут он спал, повалившись на стол.

– И что мы ему скажем, когда очнется? – спросил Андрей.

Я думал и не знал, что ответить. Смотрел по сторонам. По телевизору пела Алена Апина.

– Как она мне нравилась в детстве, – сказал Андрей. – Реально классная баба. И в разводе, я читал. – Он осекся и посмотрел на меня.

– Почему нет? – сказал я.

– Почему нет, – повторил он.

У нас было время до утра, чтобы подумать.

Душительница

– А у вас когда-нибудь был секс?..

Витёк заикался. С первого класса. Поэтому мы ждали. Терпеливо, несмотря на пятничный вечер в орущем баре.

– Ссекс, – повторил он, и было видно, что заклинило не его самого, а его речевую моторку. – Сексссс...

Заики не всегда говорят тихо. На нас начали оборачиваться. В основном девушки под тридцать. Или за тридцать. Понять это в центре Москвы порой решительно невозможно. Да и незачем.

– Секс, – снова повторил Витёк и в отчаянии затих.

Как игрушка на батарейках, у которых кончился заряд в этих самых батарейках.

– Ладно, признаюсь, – сказал Серега. – У меня был. И даже не один раз.

– С... с... с...

– Что значит «с кем»? – удивился Серега. – С женщиной, разумеется. – Подумал и добавил: – То есть сначала с женщинами.

Мы вытаращили глаза, но он тут же пояснил:

– Теперь с женой.

– Скотина, – отмучился наконец Витёк. – Был у тебя секс с...

Мы затаились, но он справился.

– С душительницей?

– Ничего себе! – удивился я. – Ты нам это не рассказывал.

Это когда она тебя шарфом душил?

Витёк покачал головой.

Мы ему не поверили.

– С настоящей, что ли? Маньячкой?

Он кивал, ссутулившись, и поза его пылала отчаянием. У Вити было два развода, трехкомнатная квартира на Тверской и розовые очки. Сквозь которые он смотрел на жизнь. Или если точнее – на девушек. Искал идеал и быстро разочаровывался.

Чтобы снова искать. Он очень хотел найти идеал сразу. И чтобы навсегда.

Мы уже путались в них. Настолько, что Сережина жена запретила ему приходить с ними к ним домой.

«Вот когда найдёшь ту самую – пуцу. А то у нас две девки растут. Ты им жизненные идеалы не рушь».

– Ну тебе хоть понравилось? – спросил я.

– Очень, – сказал он. – Я влюбился.

– Познакомился в ресторане?

Пятница, мы никуда не спешили. Главное было вернуться домой до полуночи, как заведено.

– На работе.

Сергеа присвистнул.

– Для корпоративов рановато.

– Бухгалтерия, – сказал Витёк, словно стесняясь.

Я снова удивился.

Потому что никогда раньше не слышал о маньяках в бухгалтерии. Тем более о сексуальных.

– А как? – спросил Серега настойчиво. – Как ты понял?

– Мы уснули, – сказал Витёк. – Не сразу, очень хорошо было. Я ее гладил-гладил... хотел, чтобы она мне что-нибудь сказала... ну, такое... – Он взял стакан с виски, махнул его моментально. – Потом я проснулся, что-то встревожило словно. И вижу как она т... т...

– Брат, я с тобой как в «Поле чудес» играю, – сказал Серега. – Первая буква, а потом затык.

– Трусы? – попробовал подсказать я. И сам понял, что неудачно.

– Тут... передо мной. Со своей стороны кровати тянет руки к моему горлу. А во взгляде вообще ничего человеческого... И знаете, что самое страшное?

Мы не знали.

– Увидела, что я на неё смотрю, и залаяла. Громко так. Гав-гав! Я чуть не обосрался со страха.

– Ну ни хрена себе! – сказали мы в голос.

– Я бы убежал, – добавил Серега.

– Я и убежал. Теперь боюсь домой идти.

– У неё ключи есть? – спросил я.

– Нет... Но на работу я не пошёл. И домой не иду.

– Мы тебя не бросим, – пообещал Серега.

А я всё думал. Что-то не сходилось.

– Может, тебе померещилось?

Он хмыкнул. Да так грустно, что сразу стало ясно – не померещилось.

– Может, лунатик? – задумался Серега вслух. – У нас в пионерлагере был один. По коридорам ночью бродил. Правда, падла, всё в комнаты девчонок норовил зайти. Думаю, косил под лунатика.

– Не лунатик она? – спросил я Витька.

– Да откуда мне знать? Первая ночь была.

Мы посидели ещё немного.

А потом ещё немного. Пока не поняли, что всё – уже хватит.

И решили, что домой Витьку по-любому надо идти.

В квартире никого не было. И свет не горел.

– Ну, видишь, – сказали мы. – Может, и маньячка, но с мозгами.

На часах была почти полночь. Мы уже опаздывали. Сели в лифт, нажали кнопку первого этажа.

А когда двери закрылись, услышали дикий крик. Кричал определённо Витёк.

Я хотел остановить лифт. Но Серега не дал.

– С первого этажа сразу назад поедem. А то застрянем ещё и тогда не спасём.

Я думал, что и так уже можем не спасти, но не спорил, молчал.

– Дверь не выбить, – сказал Серега. – Звоню.

Было тихо. Потом послышались шаги. Мы поняли, что нас рассматривают в глазок и что вряд ли это делает Витёк.

Мы ошиблись.

Витёк стоял в дверном проеме и молча смотрел на нас. Свет горел над зеркалом в коридоре, отбрасывая от предметов причудливые нехорошие тени.

– Ты чего орал? – спросил Серега, переступая порог. И тоже замолчал.

Я заглянул через его плечо и увидел женщину, лежащую на диване. С закрытыми глазами.

– Ты ее убил, что ли? – спросил Серега минут через пять. – В целях самообороны?

Женщина была красивая. Но на любителя. Такого, как Витёк, например. Ноги-сиськи-губы-волосы... И при этом какое-то отсутствие индивидуальности. Женщины в центре Москвы сегодня такие... как под копирку. Не отличишь. На кухне стали бить часы. Как в фильмах ужасов.

И тут она открыла глаза. Очень медленно. Отчего стало ещё страшнее.

Смотрела на нас, не мигая.

И вдруг залаяла:

– Гав! Гав!

Я заорал. А Серега швырнул в неё какую-то вазочку из коридора. И попал. Прямо в голову.

Она дернулась и медленно сказала ему:

– Говори со мной. Говори, что ты хочешь сделать со мной.

– Замолчи! – заорал Витёк и бросился ее душить.

– Говори со мной, – пророкотала она нарастающим басом. – Гааавв... Гав...

– Ну ты урод, – сказал Серега. – Чокнутый урод.

Витёк сидел на диване. Точнее, он сидел на ней, а она лежала на диване. Лежала неподвижно. Но мне казалось, что ее пальцы шевелятся.

– Механизм попался бракованный, – сказал Витёк. – Мне так хорошо было, что я почти забыл, что она кукла... Ее тоже заедает, оказалось.

– Две заики чокнутых! – сказал Серега, но уже не так зло. Голос у него дрожал, и мне казалось, что он тоже начал заикаться.

– Ну а ты что молчишь? Что ты всегда молчишь?! – крикнул он мне точь-в-точь как моя жена. Даже с теми же интонациями.

Я подошёл к дивану и осторожно погладил её. По ноге, но в таком месте, чтобы Витёк не обиделся. Кожа была удивительно приятная на ощупь.

– Бухгалтер, – сказал я. – Милый мой бухгалтер. Вот ты какой...

– Говори со мной, – сказала она в ответ. – Говори...

«Все бабы одинаковые», – подумал я.

Прогноз погоды

– А мне бокал белого, – произнёс он, и вдруг его интонация начала падать.

Падала, падала, стремясь к полу. То ли как сбитый бомбардировщик, то ли как курс рубля прошлой осенью.

– Слушай, я всё время забываю, – сказал он, словно извиняясь. – У меня опять денег с собой нет.

– Да ладно, – сказал я миролюбиво. – Угощаю.

Антон улыбнулся, но улыбка вышла какой-то неловкой. Как и пауза, которая после этого повисла.

– У меня приятель есть, киношник, – издалека начал я. – Большой человек. Он мне рассказывал, как много лет назад их юная банда млела от общения с одним великим. Он их каждый раз вывозил на обед в какой-то дешевлеший азербайджанский шалман рядом с «Мосфильмом». Заурядная забегаловка, но готовили так, что с ума можно было сойти. И всё время за них платил. Им неудобно было, и однажды, когда официант счет принес, они чуть ли не драку устроили. Чек выхватывали, спорили... Потом, когда победитель из кармана деньги доставал, он спохватился. Ну и спросил у старшего: «Простите, вы не возражаете?» А тот посмотрел на него насмешливо и говорит: «Здесь заплатить славы нет».

Друг развеселился.

– Смешно. Правда, смешно. Сильно!

– А то, – подмигнул я. И спросил: – Почему нет-то?

Он прилично зарабатывал. Мог с зарплаты квартиру купить. В ипотеку, конечно, но всё равно.

– Ты по телевизору что смотришь? – вдруг спросил он.

Я удивился.

– Футбол смотрю... – И задумался.

– А я прогноз погоды, – вздохнул Антон.

– Ха! – сказал я и повторил. – Ха-ха! Прогноз погоды любовью мужик смотрит.

– Ты на каком канале смотришь?

Я опять задумался. Он просто ловил меня врасплох, я не знал, что ответить.

– Да на всех...

Он не отреагировал.

– Понимаю, – сказал я. – Но не понимаю. Какая связь Гидрометцентра с деньгами? Ты же ведь не споришь, надеюсь – про атмосферное давление или влажность?

Принесли вино. Ему, а мне чай. Он пил, я ждал, пока чай хоть немного остынет.

– Я Серафиму клею, – сказал он. – С НТВ. Все деньги туда, хоть кредит бери.

– Куда «туда»? – спросил я. – Что, прямо туда или куда?

– Да в никуда, если честно. Сначала цветы, конфеты. Потом рестораны. Подарки. А толку нет.

Я запутался. Надо было бы тоже выпить, чтобы стало понятнее, но я был за рулем.

– Ты хочешь сказать, что она подарки берет, но у вас чисто платонические отношения?

– Да. – Антон кивнул. – Я сам так хочу.

– О! – сказал я. – О-о!

Он ждал.

– Отчего же?

– Ты ее видел вообще-то?

Я не видел. Но уже представлял.

– Куколка в мини-юбке?

– Сам ты куколка.

С экрана телефона на меня смотрела гордая веселая девушка. В очках. Возможно, с двумя высшими образованиями. Я наклонил телефон, потому что был уверен, что где-то там – сбоку на фото – скрывается новый «Лексус». Или «Мерседес».

– Я тебя понимаю, – сказал я и сразу вспомнил молодость. Раннюю.

– Ты ее боишься.

– Нет, – отмахнулся Антон. – Я боюсь сделать один неправильный шаг. Точнее, такой один неправильный шаг, после которого она от меня уйдет. А я хочу на ней жениться.

Я пожал ему руку.

– Поздравляю! У тебя наконец-то появилась цель. – И не удержался: – А о чем вы говорите – о погоде?

– Ты что, дурак?

Раньше он не обижался.

– Она умная, красивая, утонченная девушка. Я себя идиотом рядом с ней чувствую.

– И как давно ты за ней ухаживаешь?

– Месяц и два дня, – сказал он с ходу.

Я не поверил.

– Месяц и два дня? И у тебя уже нет денег? И у вас даже еще не было секса?

У меня просто это не вязалось в голове. Одно с другим. Потраченные деньги и только разговоры.

– А на что ты деньги тратишь? Научи.

– Билеты в театр. На футбол.

– И всё? – Я не поверил.

– Нет, не всё. Но знаешь, сколько два лучших билета стоят в Большой? Или в Мариинку? Плюс самолет, бизнес-классом.

Он сказал, я не поверил.

– А ты кто?

– В каком смысле?

– Ну, кто ты? Жил-был художник один и на все деньги купил целое море цветов? Или миллионер-инкогнито? Она знает, что ты не олигарх?

– Знает, – сказал он. – Она у меня дома была.

– О! – еще раз произнес я.

И замолчал. Надолго. Минут на пять.

– В принципе, без секса даже лучше. Первые пару месяцев. Каждое прикосновение начинает с ума сводить. Зато по-

ТОМ...

– Секс у меня есть, – сказал он. – Хороший.

Я отпрянул. Потому что удивился. Очень.

– Но не с ней?

– Нет. С уборщицей.

Я вдруг понял, что совсем его не знаю.

– С уборщицей...

– Я в офис раньше других прихожу. Она в кабинет ко мне часов в восемь заходит. Заходила... Теперь раньше, в половину восьмого. Киргизка, очень красивая, просто нереально насколько.

– У вас как в «Газпроме», – сказал я от растерянности. – Уборщицы-красавицы.

– Не, у нас проще, – сказал он. – Она пешком, не на джипе. И сумочка совсем обычная, с рынка.

– Так купи.

Антон посмотрел на меня с таким странным выражением лица, что я немедленно махнул официанту. Чтобы он принес ему еще вина. И мне заодно.

– Я вот не знаю, надо ей что-то купить или нет.

– Конечно, надо, – сказал я. – На эту бабки пачками швыряешь, а этой только карамельки?

– Понимаешь, – сказал он, – мне не жалко. Просто это пошло будет, богатый мужик, начальник и бедная приезжая девушка. Вот возьмет она деньги, потом от кого-то еще возьмет – и чем всё для нее закончится?

– Вы целуетесь? – спросил я.

Он покраснел:

– Не скажу.

– Ну, ты даешь. Ты же шизоид натуральный. Придумал себе две личности, разделив по максимуму. И как у вас первый раз было?

– Да как-то просто, – сказал он. – Я за столом сидел, она наклонилась – пыль протереть. Прикоснулась – не знаю, случайно или нет. У меня давно никого не было, ну и понеслось. Но ей самой хотелось, никакого насилия.

Тут мне в голову пришла мысль.

– Ты с Гидрометцентром не спишь, чтобы у них ничего общего не было? Просто оттягиваешь?

Антон молчал.

– Я бы сумочку купил. И цветы. Сказал бы, что женюсь на другой, но что ее с радостью буду всегда вспоминать.

– Вообще-то я совета не спрашивал, – сказал он. Но не зло. Спокойно.

– Да я и не советую. Себя представил на твоём месте.

Правда представил. Красивая девушка и еще одна красивая девушка.

Потом вспомнил учебник геометрии.

– Параллельные прямые не пересекаются.

Он невесело усмехнулся.

– Что, если узнает? Твой Гидрометцентр.

– Не узнает, – сказал он.

– Не узнает, – согласился я.

Мы снова помолчали.

– Я вот что подумал. Ты же ведь просто наслаждаешься ситуацией. У тебя два совершенно необычных романа.

– Угу, – кивнул Антон.

– Но это ведь ненадолго. Ты и там, и там к черте подошел. Надо новый этап начинать. Готов?

– Готов.

Через полгода он женился. На Серафиме.

Перед свадьбой мы сидели в караоке. Орали, дурачились.

– Есть вопрос, – сказал я.

– Подарил. – Он сразу догадался.

– Сумочку?

– Нет.

– А что?

– Духи. Духи и новый телефон. И попросил, чтобы она при мне внесла меня в «черный список».

Я удивился.

– Ты что, ей свой номер дал?

– Нет. Просто имя.

Я смотрел на него, смотрел.

– Ты кем хотел в детстве стать?

– Не помню, – сказал он.

И пошел петь. Опять выбрал «Самый лучший день».

Он мне соврал. Мама в детстве водила его в театральный

кружок. Но он в итоге закончил финансовую академию.

Я хотел быть космонавтом. А потом генсеком, после Брежнева. Поэтому сначала спел «Траву у дома». А затем про Ленина, партию и комсомол.

Потом я хотел спеть для ведущих прогноза погоды. «Полгода плохая погода».

Антон не разрешил.

Но я не обиделся.

Чужой столик

Официант стоял, ссутулившись у их столика, и просто ждал. Не высказывая ни вежливой внимательности, ни безразличия. Он был всё равно что холодильник – стоит только пожелать – и еда появится перед тобой, но на что-то больше невозможно было рассчитывать. Уже немолодой уставший человек. Без ручки и блокнотика в руке – признак стремления ресторана к сервису более высокого уровня, чем изначально можно предположить.

Официант дождался, когда клиенты сделают заказ, и пошел к стойке.

Из-за стойки, скучая, смотрела на столик, от которого отошел официант, женщина-менеджер. Посетитель был в ее вкусе: высокий, спокойный, ухоженный, но без излишнего лоска. Но ее сильнее интересовала его спутница. Как всегда. Вечная дуэль за право не уронить самооценку.

Дорогой свитер, нарочито простые бриджи и кеды, которые она тоже приглядела себе в одном из журналов. Здесь эта марка стоила слишком дорого, поэтому она поставила себе целью купить их в Дюссельдорфе, на зимней распродаже.

Настроение немного упало. От мужчины пусть не сильно, но пахло деньгами. На ее месте могла быть она. И тогда не было бы необходимости ходить на нелюбимую работу. В голову снова полезли расплывчатые мечты о салоне красоты

или арт-кафе, от которых она отмахнулась не без труда.

Посетители за столиком молчали.

Что было странно, поскольку телефонов у них в руках не было. Он смотрел то в окно, то перед собой, но взгляд его был устремлен не на спутницу, а упирался в стол. Примерно в то место, где стояла вазочка с герберой. А она ласкала ножи, лежавшие рядом с тарелкой. Не просто дотрагивалась до них, а именно ласкала. Ее пальцы рисовали на ножах какие-то извилистые линии, словно она хотела что-то написать невидимыми чернилами.

Или, может быть, на самом деле писала.

Официант принес им воду. Потом хлеб. Потом по салату.

Они принялись за еду.

Всё так же молча.

Женщина посмотрела на него. На своего мужа.

Его вилка охотно выхватывала из тарелки то огурец, то помидор, то брынзу, а маслины отодвигала ближе к краю.

Он не любил маслины, спал на животе и любил нежно покусывать мочку ее правого уха, когда дело доходило до секса. В последнее время это случалось всё реже. Словно у героев банального анекдота. Они были женаты почти двадцать лет, но он держал себя в форме.

Что заставляло ее иногда задуматься: есть ли у него любовница?

У нее любовника не было. Были дети, дом, дела, и на всё

это никогда не хватало времени.

Он доел салат, взял бутылку и первый раз после того, как они сели за столик, поднял на нее глаза.

– Ты так и будешь молчать?

– А что, ты тоже так и будешь молчать?

Она видела, что на них из-за стойки пристально смотрит женщина ее лет в строгом черном костюме. Наверное, владелица или менеджер.

Они были красивой парой. И через двадцать лет смотрелись ничуть не хуже, чем в тот самый июньский субботний день. В мае ведь нормальные люди не женятся. Чтобы не маяться всю жизнь.

Официант унес на кухню грязные тарелки. Она чувствовала, как пахнет, приготавливаясь, рыба. Еще пара минут, и можно будет подавать горячее.

Официант стоял рядом.

– Я офигеваю, конечно.

– Почему?

Он поморщился.

– Сколько раз одно и то же. Пришли, сидят, молчат. Эти хоть друг на друга смотрят. – Он налил себе кофе и зашел за колонну, чтобы его не было видно из зала. – Правильно я не женился. Тоже так бы сидел.

Он к ней пытался несколько раз подъехать, но она не позволила. И теперь, словно в отместку, он обрушивал на нее потоки своих жизненных позиций. Хорошо, что не бурные.

Она представила, что сидит за столиком напротив этого мужчины. Что она замужем за ним долгие-долгие годы.

Интересно, почему они пришли в ресторан без детей? Чтобы отдохнуть и побыть вдвоем?

Не похоже.

– Мы же совсем с тобой не разговариваем. Только о делах. – Она крошила хлеб на тарелку. Ломала корочку, превращая ее чуть ли не в пыль. Старая привычка, чтобы волнение не вырывалось словами. – Я думала, что это жизнь, а это только список дел. Бесконечный.

Он снова налил себе воды.

– Это и есть жизнь...

Он был все еще красив. К природному обаянию с годами добавилась уверенность. Деньги не всегда портят людей, особенно заработанные деньги.

– Ты постоянно жалуешься. Я прихожу домой и уже в лифте знаю, что сейчас будет. Ты спросишь, как у меня дела на работе. Я скажу, что нормально, и спрошу, как прошел твой день. Ты тоже скажешь «нормально». Мы будем говорить о каких-то пустяках или обсуждать наши семейные дела, а потом ты скажешь – с этой своей идиотской нарочито грустной интонацией – что нам вообще не о чем поговорить.

– Раньше ты был другим. Ты писал мне записки. Дарил цветы, не на праздники, а просто так, от любви. Я все время думаю: хорошо, дети вырастут, уедут, как мы тогда будем

жить? Я боюсь старости! Я не боюсь смерти. Я боюсь оказаться совершенно одиноким человеком!

Ему показалось, что она сейчас заплачет. Он ненавидел такие моменты, особенно если это происходило на публике.

Он смотрел на нее и так четко слышал в своей голове ее голос, со знакомыми интонациями воспроизводящий то, о чем она сейчас думала.

– Может быть хватит? Я все время спрашиваю себя – может быть хватит? Лучше сейчас, чем через двадцать лет, когда я буду смотреть в зеркало и видеть старуху.

– Ты постоянно придумываешь какую-то ерунду. Почему ты не в состоянии просто жить? Сегодняшний день, завтрашний...

Официант принес рыбу. От тарелок поднимался пар, они продолжали смотреть друг на друга.

– Приятного аппетита, – наконец сказал он.

– Спасибо, и тебе.

Он взял ее за руку. Она открыла ладонь и погладила пальцами его кожу.

– Ты так и будешь молчать?

– А что, ты тоже так и будешь продолжать молчать?

Официант выпил еще один кофе. От него чуть слышно пахло духами. Вроде бы «Hugo Boss», подумала она.

– Вот ты мне скажи: это нормальные люди?

– Не знаю, – сказала она, смотря уже на мужчину. Синий

цвет очень ему шел.

– Час молчат. Час! Слова не сказали. Только смотрят друг на друга и молчат.

– Сразу видно, женатые, – сказал бармен.

Мужчина поднял руку, показал жестом, что просит принести счет.

– Дикобразы зимой, – вдруг сказала она.

Официант с барменом посмотрели на нее с недоумением.

– Дикобразы зимой, – повторила она и произнесла нечто совсем странное. – Не слышал? Я думаю иногда о том, как они зимуют. Вроде бы рядом, но путаясь в чужих колючках. Только зима, тишина и колючки.

– Ну да, – сказал бармен, снова влезая в разговор. – Точно.

– Хорошо, что я не женат. – Официант произнес это так, словно плюнул.

– Да пошел ты. – Она была рада, что наконец сказала ему это.

Конкурс

Мама хотела, чтобы я ходил на бальные танцы.

Я был не против, как и год назад. Когда она хотела, чтобы я играл на пианино.

Бабушка сняла со своей сберкнижки семьсот рублей, положила их в кошелек, и мы пошли в магазин «Мелодия». Продавщица, к которой мы подошли, очень удивилась.

– Пианино? Он же у вас играет на гитаре.

Тут уже удивилась бабушка. Сказал продавщице, что она ошибается.

– У меня отличная память на лица. А вашего мальчика я прекрасно знаю, он каждую неделю покупает у меня медиаторы для всего музыкального кружка.

Бабушка посмотрела на меня. Я открыл крышку, нажал на клавиши.

– Там внизу есть педали. Надави на правую – и звук будет громче, – сказала продавщица.

Я надавил. Потом еще раз. Пианино звучало как орган. Ну хорошо, почти как орган.

У нас была пластинка, мамина любимая. Иоганн Себастьян Бах. Органная музыка. Потом она пропала. Я дал честное слово, что я ее не разбил и не соврал. Мама недоумевала.

– Не могли же ее украсть, – говорила она и смотрела на

нас.

Папа пожимал плечами, я мотал головой, отрицая такую возможность.

Если бы они знали, как здорово дымит пластинка, когда получается её поджечь. Лучшая «дымовуха» из моего детства. Лучше, чем медиатор. Но у медиаторов была своя прелесть – они «капали». В отличие от пластинки. Еще лучше «капал» целлофановый пакет. Но однажды, когда он «капал», подул ветер. И пакет капнул на голую руку Сережки. Он извивался от боли, а потом, вероятно, получил еще люлей дома.

– Грузчики поднимут пианино к вам сегодня, – сказала продавщица. И услышав, что мы живем на девятом этаже, присвистнула. – Сколько возьмут, спросите у них сами.

Мама хотела, чтобы я ходил на бальные танцы.

Я хотел ходить на футбол, но был не против, когда узнал от нее, что в эту секцию ходит моя одноклассница. Она мне так нравилась, что я иногда забывал дышать. Потом вспоминал, выпускал скопившийся внутри меня воздух – как маленький дракончик, и класс оборачивался посмотреть, что случилось. Все, кроме нее. Она знала. Женщины всегда знают, что нравятся. Даже во втором классе.

Мне купили черные брюки. Какие-то туфли. Новую белую рубашку и даже бабочку.

– Здравствуйте! – сказала важно и весело дама в синем

платье. – Я Элеонора Максимовна.

Дам из секций почему-то всегда звали вычурно.

Она провела меня мимо моей одноклассницы, упорно не смотревшей в мою сторону. Поставила в пару к другой девочке. Толстой. Низкорослой. Рыжей.

– Это Катя. Кате давно был нужен партнер. – Она подошла к пианино, но не села. – Смотрите внимательно! Сегодня мы разучим вальс. Мальчики берут девочек за талию, девочки кладут мальчикам руку на плечо. Потом мальчики делают шаг назад. И – раз! Потом в сторону, и – два!

Те пять рублей, которые мама выдавала мне ежемесячно на танцы, я тратил на марки. Танцы были на втором этаже дворца культуры. На первом был кружок филателистов. Я собирал всё про космос. У меня были все космонавты – от Гагарина и до середины восьмидесятых.

Мы стояли у метро «Динамо», не зная куда идти. Два здоровых лба. Мне восемнадцать, другу двадцать два.

– Простите, – сказал он вышедшей из метро женщине. – Как нам пройти к стадиону «Юных пионеров»?

Женщина посмотрела на нас. Как показалась мне – с подозрением. Махнула рукой.

– Через дорогу, вот он.

Два дня назад мы провожали в армию моего одноклассника. Драки не было, но были танцы. Под Женю Белоусова, чьи клипы шли по каналу «2 × 2» без остановки.

Я не танцевал. Просто смотрел телевизор. И вдруг увидел бегущую строку: «Конкурсный набор в группу танцев. Юноши и девушки до двадцати пяти лет. Обучение и гастролы в России и за рубежом. Просмотр на стадионе „Юных пионеров“».

Я потянулся к телефону, набрал номер друга.

– Гастролы, – сказал я. – Зарубежные.

И объяснил, в чем дело.

– Конечно, едем, – сказал он.

В раздевалке было неудобно. Друг был накачен, я поджар. Мы взяли спортивные брюки и просто брюки и теперь не знали, что надеть. Другие конкурсанты были с крепкими ногами, что особенно бросалось в глаза при обтягивающих лосинах, и нежным торсом. У нас все было наоборот – выше пояса мышцы были развиты лучше. Друг считался первым каратистом в городе, а меня он к моему колоссальному удивлению поставил с собой в пару и пытался тащить к своим высотам. Я надел брюки. Потом подумал и надел спортивные штаны. Потом отчаялся.

– Да ладно, брат, – сказал друг. – Пошли себя покажем.

Девочки были восхитительные. Длинноногие, модные. Отчего мои комплексы сразу усилились. Все тянулись, разминаясь, никто ни с кем не разговаривал. Я решил показать себя, как просил друг, и сел на шпагат. Потом еще раз. Спокойнее не стало.

В зал вошла женщина в синем бархатном платье и ка-

кой-то мужчина в черной паре. Всё стихло.

– Здравствуйте! – сказала она важно и увидела нас с другом.

Я подумал, что нас попросят уйти, но она продолжила:

– Меня зовут Стелла Антоновна. Народа много, вот как поступим. Вы встаете поочередно в квадраты по девять человек – три в каждый ряд. Сергей Петрович играет на рояле, я показываю вам танец, потом вы пытаетесь повторить.

Мне показалось, что она снова посмотрела на нас. Попавших в первую девятку. Я встал в последний ряд. Друг в первый. Хотелось убежать. Несмотря на близость зарубежных гастролей. За границей я никогда не был. А посмотреть мир очень хотелось.

Стелла Антоновна хлопнула в ладони, Сергей Петрович заиграл что-то бодрящее.

– И раз, – сказала она, сделав соблазнительное движение ногой. – И два. Запоминайте, я нарочно двигаюсь не плавно, а делю танец на отдельные па.

Танцевала она божественно. Я подумал, как же повезло ее мужу. Такая женщина.

Она даже не вспотела и не задохнулась. Посмотрела на нас, кивнула Сергею Петровичу. Он заиграл уже знакомую мелодию.

Все сделали первое па, и я тоже. Потом второе. Что надо делать дальше, я уже не помнил, просто повторял за другими с секундным опозданием.

У друга память была лучше. Его просто подвели разношенные чешки. Он поскользнулся на максимальной скорости и завалил, падая, еще троих.

У Стеллы Антоновны дрожал голос, но она держалась.

– Повторить? – с надеждой спросил друг.

Она покачала головой.

– Вам не надо. И большое спасибо.

– За что? – спросил он.

Она подошла поближе к нему.

– За такие эмоции.

Я думал, он ее пригласит на кофе. А он просто кивнул и сказал:

– Хорошего вечера.

Кофе в кафешке по соседству не оказалось. Была «Фанта», ледяная. И еще торт, который можно было купить только целиком. Мы ели, давясь, и молча смотрели друг на друга.

– В конце концов, – сказал друг, – жизнь у гастролеров не сладкая. Человека четыре в одном номере, график без пауз.

– Точно, – сказал я.

Мы помолчали. Потом я спросил:

– А чего ты у нее телефон не взял?

– У нее? – Он засмеялся. – Зачем? Это же разные темы. У нее танцы, у нас с тобой спорт. С такими женщинами один раз встретиться не интересно. Они на всю жизнь, чтобы помучиться.

– Зачем же мучиться? – спросил я, не понимая.

– Зачем? – переспросил он и снова засмеялся.

Продавщица посмотрела на нас недовольно. В неотопляемом кафе было адски холодно. Мы обжигались «Фантой» и ели советский кремовый торт, который совсем не лез в горло. Лучший боец города и его верный адъютант.

– Знаешь, – сказал я ему, – а ведь мама хотела, чтобы я ходил на бальные танцы.

– Мама плохого не посоветует, – сказал он.

Танечка и Женечка

Друг решил жениться. Хотя раньше эту возможность отрицал. Говорил каждой новой своей пассии:

– У меня двое детей. От разных женщин. Зачем тебе сношенные башмаки? Хочешь – можем общаться просто так.

И все соглашались. Слишком уж сильно был выражен в нем мужской характер. Сильный, спокойный, немногословный. Их тянуло к нему – вне зависимости от перспективы отношений. И ничего не поделать.

Он пытался жить с матерью второго ребенка – и не смог.

– Она удивительная, – говорил он. – Добрая. Самая добрая женщина, которую я встречал.

– И что? – спросил я.

– Но ленивая... Я ей говорю: неужели ты правда так можешь жить? Чтобы постель у тебя неубранная полдня была. Чтобы тарелки в раковине стояли.

– А она? – спросил я.

– Она говорит: я на работе за пять дней очень устаю. – Посмотрел на меня синими глазами. – Я так не могу. Веришь?

– Верю, конечно, – сказал я. – Я и сам так не могу.

От первой он ушел с большим трудом. Та была хозяйкой, но однажды случился такой разлад, что уже невозможно было остаться.

Жил один. И почему-то стеснялся, что девушки меняют-

ся.

– Мне так комфортнее, – говорил он.

– Понимаю, – отвечал я.

И вдруг через год он удивил.

– Женюсь, брат. Жду вас в воскресенье к часу на свадебный обед.

– Ну и хорошо, – сказал я.

– Я действительно счастлив, – сказал он.

Мы сидели в ресторане. Человек двенадцать. Друзья и родители. Невеста была оживлена, как и ее мама. Его мама, напротив, сидела серьезная и с поджатыми губами. Невестка дважды подняла тост за ее здоровье, но это не помогало.

– Я так счастлив, – сказал он.

– Ну и хорошо, – сказал я.

– Только она на ребенке помешана. А я ей сразу сказал, что не готов. Или, по крайней мере, сразу не готов.

– Я ее понимаю, – сказал я. – И тебя понимаю.

Его мама мне нравилась. Я ее тоже понимал.

Она не работала, но была отличной хозяйкой. Он не настаивал, но спрашивал – чего дома-то сидеть?

Квартира сияла. Ремонт был сделан со вкусом. Она шила себе, ему и его детям. Дочка стеснялась, молчала в гостях у мачехи. Сын не появлялся вообще.

Мы приходили в гости. Говорили комплименты. Всё все-

гда было вкусно. Чисто. Уютно.

– Видишь, какой порядок, – сказал он нам, гордясь. А она, стоя за его спиной у плиты, провела себя ладонью поперек горла, услышав это.

Когда он заезжал к бывшим – передать деньги, пообщаться с детьми, дома его ждал скандал.

– Меня твоя корова с твоим пугалом просто бесят, – прошипела она и ахнула в мойку стопку тарелок. Вдребезги.

– Успокойся, – сказал он. – Ты знала, что у меня дети.

– При чем тут дети?! – Она почти кричала. – Меня твои бывшие бесят. Ненавижу. И эту жирную Танечку, и эту тошную Женечку.

– Ты что, ревнуешь? – спросил он.

Она подошла. Ее трясло. Худые темноволосые девушки всегда слишком эмоциональны.

– Я тебя ненавижу, – сказала она. – И я хочу ребенка.

– В таких отношениях я точно не готов, – отказался он. – Давай подождем.

Она начала шить куклы. Совершенно индивидуальные, яркие. У нее точно был талант.

Утром тридцать первого декабря у них гостила его дочка. Когда они пили чай на кухне с домашним клубничным тортом, она метнулась из-за стола в спальную, вышла оттуда с большим подарочным пакетом.

– А это тебе от нас с папой! – сказала она. – С Новым годом! – Стиснула ее, чмокнула в щеку.

Девочка послушно пережила натиск. Потом продолжила жевать торт.

– Хочешь еще кусочек? – спросил он.

Дочка кивнула, охотно. Он дождался, пока она доест.

– Посмотришь подарки?

Дочка слезла со стула, вытащила из пакета три красиво упакованных свертка. В первом была ферма «Лего», во втором и третьем – ее куклы. Две восхитительные куклы, лучшие, что она когда-либо шила. Дочка раскрыла рот от восторга.

– Нравится? – гордо спросил он.

Дочка заворуженно кивнула.

– Давай придумаем им имена, – предложил он.

Жена выхватила куклы. Они посмотрели на нее, не понимая.

– Уже есть, – и голос ее зазвенел от обиды. – Есть имена! – Она подняла корову в розовой шляпке и огромными глупыми глазами. – Это Танечка! – Подняла в другой руке козу, с тонкими кривыми ножками. – А это Женечка!

Дочка играла на полу.

Они посмотрели друг на друга, и никто не отвел глаза.

День рождения

У друга была жена, сын, ежедневная суета и еще спорт. Зимой лыжи, летом велосипед и круглый год бассейн.

Квартира была маленькая, жена была старше, хотя держалась и выглядела отлично. Сын поступил в институт на платное вечернее и учиться не хотел.

Он любил чай. Я заваривал ему покрепче.

– Ничего себе, – сказал я, когда увидел его голубые мокасины. – Пижон.

– Такая тема, – сказал он. – Ликвидация магазина обуви у друзей. Жена взяла за руку, и мы поехали. Купили мне три пары за пять тысяч и три ей, за десять.

– Молодец, – сказал я.

Он засмеялся. Так, словно не ожидал, что я его похвалю.

– Ты думаешь, это всё? Ты ошибаешься.

«Ошибаешься» он произнес по слогам: «О-ши-ба-ешь-ся». Повышая интонацию на каждом слоге. Ткнул пальцем меня в грудь.

– Там были сумки. Она очень любит сумки. «Смотри, всего десять тысяч, а стоила тридцать». – Он произнес это дурашливым тонким голосом, с иной интонацией. – Я ей сказал: «Может, не надо? У нас в шкафу сумки, в комнате сумки. Они прекрасны, ты прекрасна. Но... Может, не надо?»

– Купил? – спросил я.

Он посмотрел на меня.

– Ты видел рысь? Такие милые кисточки на ушках. – И зашипел, смешно и точно изобразив зверя. – Что лучше – день счастья или неделя обиды?

– Купил? – спросил я, – и это был даже не совсем вопрос.

– Купил, – сказал он. – Но счастья всё равно не было. Не было.

– Почему?

Он снова засмеялся, с той же интонацией.

– А потому что сом-не-вал-ся. Нельзя обижать человека сомнениями.

Однажды он ехал зимой из бассейна, ближе к полуночи. Пересек по эстакаде Ярославку, въехал в город и увидел сквозь падающий снег тонкую фигурку на автобусной остановке. Замерзшую и не голосующую.

Остановился, открыл окно.

– Давайте я вас подвезу, – сказал он. – Вечер, темнота, мороз. Вдруг придут хулиганы и некому будет сказать им: «ай-йй-йй».

Она обрадовалась и села. Он был нестрашный – если не знать, как он умеет драться. Но от него никогда не пахло страхом и неприятностями.

– А мы могли бы заехать по пути в гараж? – спросила она.

– В гараж? – переспросил он, удивившись. – Конечно, это было бы замечательно – взять и заехать сейчас в гараж.

– У меня день рождения завтра, – сказала она. – Придут подруги. В гараже банки стоят. Помидоры, огурцы. Чтобы завтра не ехать.

Она заехали, взяли три банки. Потом, когда он остановился у ее пятиэтажки, она посмотрела на него и спросила: – Вы ведь поможете донести, правда?

Он поставил банки в крошечной прихожей, развязал шнурки, прошел вслед за ней на кухню.

– Хотите чая или кофе? – спросила она. – Или вы спешите?

– Куда можно спешить в двенадцать ночи? – спросил он весело. – Конечно, давайте выпьем чаю. День рожденья – светлый праздник, как там дальше? Та-та-та-та... Давайте вас поздравлять и веселиться.

Он был невероятно обаятельный. Мог рассмешить кого угодно. Девушки смотрели на него такими глазами, что это вызывало зависть. Я пробовал перенять у него эти манеры и не смог.

Он прошел в комнату. Зачем-то заглянул в окно. Диван, стенка, кресла, столик. Это был удивительно интересный вечер.

И тут в замке начал поворачиваться ключ. Он поворачивался, поворачивался. Сразу стало неудобно.

Дверь открылась. В коридор зашел огромный мужик и замер, глядя на друга. Он заполнил собой всё пространство и, услышав, как из ее руки упала ложка, перевел взгляд на кух-

ню.

– Сука, – сказал он. – Убью.

Он подошел к другу. Опустил покрасневшее лицо к его голове и спросил, эмоционально так:

– Ты кто такой?!

«Пятый этаж, – подумал друг. – Если рвануть на балкон и прыгнуть в снег, есть шанс. Но если сломаю ногу, шанса уже нет».

Мужик перекрывал путь к входной двери. И отчетливо багровел.

«Думай, – сказал себе друг. – Быстрее думай».

– Ты хочешь узнать, кто я? – сказал он развязно. – Да?

Тот кивнул. Нехорошо так кивнул.

– А я тебе скажу, кто ты!

Друг отступил на шаг и демонстративно показал на того пальцем.

– Ты конченный негодяй!

Мужик офигел. Девушка тоже.

– Ты мерзавец!

По широкой дуге, немыслимо широкой для крошечной квартиры, друг подошел к девушке.

– Она тебя любит! Она страдает! Она ждет тебя в первом часу ночи, а ты приходишь и оскорбляешь ее!

– Ты кто? – спросил мужик, пытаясь понять, что происходит. – Кто он?

– Я ее одноклассник.

Другу было за сорок, девушке не больше тридцати.

– Я увидел ее, идущей ночью в гараж, чтобы принести для тебя огурцы и помидоры, которые ты так любишь есть! Я остановился и помог ей донести для тебя эти банки! – Он шагнул на кухню. Взял банку со стола. – Посмотри на них и вспомни, как она тебя любит! Как она солила их для тебя. А ты... Ты оскорбил любящее сердце! Обидел невинную девушку и назвал ее таким словом.

Девушка заревела. Может быть, сказывался стресс. В любом случае это было вовремя.

– Ты что? – растерялся мужик, уже немного виновато. – Не надо...

Друг стоял в коридоре и старался вдеть ногу в ботинок, но только чтобы не нагнуться. Даже не попытался завязать шнурки.

– Ты куда? – спросил мужик. – Подожди.

Друг улыбнулся, качая головой.

– Нет! – Он поднял указательный палец. – Сегодня нет. Не хочу сегодня пить с тобой даже чай. Но завтра я вернусь, поздравить одноклассницу с днем рождения. И мы выпьем с тобой много водки и всё обсудим. Но сегодня я не буду, потому что ты ее обидел. Проси прощения у нее. – И вышел. Быстро, но вроде бы как не спеша, с достоинством. Прошел один этаж и побежал.

– А если бы он тебя ударил? – спросил я. – Не послушал

и начал бы бить?

– Наверное, убил бы, братик, – сказал он. – Такая морда. Кулаки. – И поднял обе руки с руля, показывая.

– Веселый конец истории, – подытожил я.

– Конец? – переспросил он и засмеялся.

– Нет? – спросил я.

– Нет! – сказал он. – Не конец.

Я разглядывал его, не веря.

– Ты что, вернулся на следующий день?

Он не вернулся. Через несколько дней он шел к своей машине через станционную площадь и почувствовал на себе чей-то взгляд.

Прямо на него ехал милицейский патруль. Рядом с водителем сидел сержант. Огромный, красномордый. Он смотрел на моего друга, вытаращив глаза.

– И что? – поинтересовался я. – Чем всё кончилось?

– Ничем, – ответил он. – Я посмотрел мимо. Потому что я его не узнал. Никогда не видел.

Мы ехали и молчали. Потом я спросил:

– Красивая девушка была?

Он оживился.

– Такая редкая красавица. Таких на улице не встретишь. Даже не знаю, что их связывало.

– Да... – протянул я и повторил, не зная, что добавить. – Да, брат...

– Смех и радость мы приносим людям, – сказал он.

Супчик

Леша стал писать стихи. Я сам писал, в минуты роковые. Потом всё оборвалось так же стремительно как и началось. Стихи можно писать только когда тебе неспокойно. Как только в жизни воцаряется покой, сразу переходишь на прозу.

Но Леша меня этим признанием удивил. Когда мы виделись последний раз, он был мрачен и напряжен. Затянувшаяся ссора с бывшей, очередной нелепый шаг в бизнесе, продажа квартиры – чтобы появившиеся деньги вложить в новый неоправданно рискованный проект. Он приходил советоваться, кивал, соглашаясь с доводами, и поступал наперекор. Чтобы потом прийти и опять просить совета.

И вдруг он меня окликнул в метро. Веселый и радостный, как много лет назад.

– Друг мой, – сказал я. – Ты так чудесно выглядишь. Молодчик. Как ты?

Он заулыбался еще шире.

– У меня всё хорошо, – сообщил он. – Пошел учиться, на платное.

– А работа? – спросил я. – И где ты живешь?

– По работе есть пока сложности, буду преодолевать.

– На личном фронте как?

Как-то так получалось, что спрашивал только я. Но ему

направился мой интерес к его делам.

– Есть одна девушка. Начали встречаться. Теперь буду работать над тем, чтобы улучшать наши отношения.

Леша всегда говорил в таком стиле. Приходилось постоянно переспрашивать, чтобы вытащить из него конкретику.

– «Чистые пруды», – сказали нам. – Переход на станцию «Тургеневская». Осторожно, двери закрываются.

Я выскочил, благо стоял у двери. И услышал, поднимая приветственно руку:

– Начал писать стихи. Пришлю.

Я кивнул. Я люблю, когда люди пробуют писать. Это одно из лучших занятий на свете.

Он прислал мне на телефон несколько сообщений. Я открыл – это были аудиофайлы. Читал он замечательно. Тем более голос у него был медовый.

Стихи были наивные и тем хорошие. Первое вызывало память о Есенине, второе было похоже на Евтушенко. Но на Евтушенко, который вдруг начал писать в ритме Есенина. Или на Есенина вдруг заговорившего языком Евтушенко. «Я положил на тебя свои черные руки – и ты больше не произнесла ни слова».

Я подумал, как же ему одиноко, если из одного стихотворения в другое непременно кочуют три образа: домашняя еда, «молодая» и «плотские утехи». И услышал, что следующее стихотворение посвящено «супчику, что всех похлебок

вкусней».

Потом еще раз прослушал о «черных руках» и замолчавшей от них девушке. И все пытался вытрясти из головы строчку, прилетевшую в ответ на это. «Смотрел с улыбкою, с которою Отелло душил уже бездыханное тело».

– В прошлые выходные ездил в Константиново, – сказал Роман и покрутил в бокале коньяк. – Взял бутылку дагестанского коньяка. Выпил на лавочке двести пятьдесят и зашел в дом. А там – огромная фотография Сережи. Смотрит на меня. Я ему говорю: ты-то меня понимаешь!

– Какого Сережи? – спросил я, привычно теряя нить его рассказа.

Он посмотрел на меня, весело и удивленно.

– Сережи Есенина. А потом я вышел к обрыву, выпил еще двести пятьдесят. Погладил кошечку, ласковую такую. И вдруг Витя побежал вниз.

– Какой Витя? – спросил я.

– Строитель Витя, я вас знакомил в прошлом году. У человека проблемы – жена, налоговая... А тут стало легко – и он побежал. Красиво, весело. Кошечка на него смотрела, а я на кошечку.

– Поэзия, – сказал я. – Есенин. Помнишь, у него жеребенок бежит за поездом, как символ уходящего мира?

– Точно, – согласился Роман. – В городе всё поменялось. Другой мэр, другая команда. Подряды там, другие темы –

все по-другому.

Я подвинул телефон ближе к нему.

– Помнишь Сережу, моего приятеля? Стал стихи писать. И тоже без ума от Есенина.

Включил ему стихотворение про «супчик».

– Это прекрасно, – сказал Роман. – Прекрасно, когда душа рождает такие образы. Когда слушаешь и представляешь кастрюлю на плите, а в квартире нет кроме вас никого. И ты режешь картошку, она крошит лук – а каждый думает только об одном: когда? Когда?

– Понравилось? – спросил я.

– Конечно, понравилось, – улыбнулся он. – Тема такая, понятная. Я сам однажды стихотворение написал – под воздействием магии одной встречи. Это было в Сочи. И вот, я вечером иду на ужин в нашей санатории для язвенников, а навстречу она. С мамой. Я смотрю на нее и вижу, что у нее грудь – именно такая.

– Какая? – спросил я.

Он засмеялся. Знакомые чертики прыгали в глазах.

– Какая? Для поэзии.

– И для поэта, – сказал я, даже не уточняя.

– И для поэта, – подтвердил он.

– Дашь почитать? – спросил я. – Или порвал?

– В гараже спрятал, – сказал он. – Чтобы гестапо не нашло.

Супруга у него была подозрительная. Не без оснований.

– Вот я сижу, мой стол в диетической столовой, «диета

номер пять» – и заходит она.

– С мамой? – уточнил я.

– С мамой. А мама такая... Контролирует каждый шаг, каждый взгляд. И каждому в ответ телеграмма: не для тебя моя розочка расцвела. И не для тебя. И уж тем более не для тебя, понял?

– А ты? – спросил я.

– А я пошел за «Ессентуками», семнадцатый номер. Прохожу мимо ее стола, а мамы нет. Отлучилась на минуту. И говорю ей: «Вы даже не думайте, что я хочу с вами познакомиться. Нет, нет и снова нет. Вам просто нужен человек, который будет вас смешить с утра до вечера, а еще лучше – с вечера до утра».

– А она?

Роман встал, спугнув кошку. Чтобы было удобнее показывать действие в лицах. Похлопал себя по плечу и изобразил удивление, сменяющееся радостью.

– А тут не она, а мама. Мама. Говорит: «Молодой человек, я в этом санатории восьмой раз, и я профессор филологии. И мне очень не нравится ваш язык, потому что вы говорите слишком быстро, а значит, скрываете ваши мысли».

Я его обожал. И его рассказы тоже. Даже забыл про чай, про арбуз. «Вот оно, настоящее искусство», – думал я.

– А дальше? Дальше-то что?

– У Леши есть удивительное качество, – сказал друг. – Он очень любит ходить по ресторанам. На халяву.

– У Леши? – не понял я.

– Леша, из налоговой. Ты его знаешь. Мы были с ним в Сочи. Я вернулся к нашему столику, говорю ему: брат, идем вечером в ресторан. Приглашаю я, но на тебе мама. Любительница литературы.

– В Сочи рестораны как-то не очень диетические, – сказал я.

– Именно! – воскликнул Роман. – Именно. Но меня просто пёрло. Пальмы, танцы, мама с Лешей кружатся под Челентано, и он ей втирает о русской и мировой литературе. А мама говорит ему: «Я здесь восьмой раз. И впервые с дочкой. Сочи город соблазнов, поэтому за ней нужен глаз да глаз». Восьмой раз, представляешь? И она изображает полицию нравов.

– Сюжет, – сказал я. – А дочка?

– А дочке двадцать пять. И муж дома, в Белоруссии. И ей скучно. С мамой скучно, с мужем скучно. И тут я, веселый и ненавязчивый.

– Сюжет, – повторил я.

– Мы ездили в горы, – сообщил Роман. – Вернулись. Мама пошла на процедуры. Она мне пишет: зайди. Я зашел, она стоит в комбине зоне на голое тело – и надо только потянуть вниз молнию.

– Потянул? – спросил я.

Он улыбнулся. Довольный, что обманул.

– Нет. Я ей говорю: «Всё прекрасно, давайте вечером пой-

дем в кино. С мамой и Лешей».

– Пошли?

– Пошли. Леша с мамой в середине, мы по краям.

– Леша довольный, – сказал я, представляя себе это. – Платить за себя не надо, а культурная программа становится шире.

– Да, – обрадовался Роман. – Да! Но на следующий день она сама зашла в номер. Перед обедом. Мама плавала в бассейне, а она зашла. Я дал Леше денег, попросил занять нам в кафе столик и заказать мороженое и вел ждать там.

– И что? – спросил я.

– Да, – сказал он. – Была победа, и было ярко и красиво. А потом она говорит: «Можешь дать мне триста долларов до конца смены?»

– Дал?

Он покачал головой, улыбаясь.

– Я ей говорю: «Зачем триста долларов, которые надо возвращать? Лучше сто и возвращать не надо. Мне будет приятно, если подарок купишь себе ты, а не я, у кого вкус не всегда соответствует ожиданиям».

– Взяла? – спросил я.

– Взяла, – сказал он. – Конечно, взяла. Скромный подарок, от чистого сердца.

Мы помолчали. Без эмоций – просто потому что история кончилась.

– А ты стихотворение когда написал? – спросил я. – До

или после?

– После, – сказал друг. – Конечно, после. «Вот вода, плещет волна. А вот луна, сияет одна».

Я посмотрел на него внимательно.

– А дальше?

– Дальше не помню, – посетовал Роман. – Надо сходить в гараж и открыть тайник.

– Короткие стихи легче запоминать, – сказал я. – Хочешь какое-нибудь прочту?

– Конечно, – сказал друг. – Вот только коньяк за твоё здоровье выпью.

Он выпил. И попросил продолжить наш поэтический вечер.

Я сказал:

Я помню эти губы в мае,
И эти ноги в сентябре.
И эти слезы в декабре...
А память в январе – пустая.

Мы помолчали. Потом он сказал:

– Давай за Сережу!

И поднял бокал.

Я даже не спросил за какого. И так было ясно.

Картошка

Мне было девятнадцать, и вот уже ровно год, как у меня не было денег. Никаких, за исключением стипендии. Да и та превращалась не пойми во что.

То ли дело – осень 1989-го. Первый курс МЭИ, энерго-физический факультет, отделение «Атомные электростанции». Сорок рублей базовая стипендия и еще тридцать от Министерства атомной энергетики.

Семьдесят рублей в месяц – это вам не шутки. Папа получал двести двадцать, хоть и не был электриком. Мой обед в студенческой столовой стоил шестьдесят копеек, а на моей сберкнижке лежало бабушкино наследство – тысяча восемьсот рублей.

Но я покупал на эти семьдесят рублей три книжки на черном рынке в месяц.

Двухтомник Стругацких стоил пятьдесят. «Девять принцев Амбера» стоила пятьдесят...

Пора остановить этот поток воспоминаний, пока он не превратил историю в задачу из учебника арифметики.

Мне было девятнадцать. В восемнадцать, когда я ушел в академку после первого семестра, я проработал год продавцом газет. На «Пушкинской» и на «Белорусской». Времена были свободные – ни крыши, ни рэкета. Закупился с утра у

оптовика, привез сумку с прессой на точку, разложил столик – и пошло-поехало.

Деньги были шальные, как и время. Потом они кончились, потому что надо было возвращаться в институт.

У меня за плечами были три года в карате. Иногда пять тренировок в неделю. Тренер подбивал меня поехать на финальный отбор юношеского чемпионата страны, но я отказался. В спорт уходить не хотелось, а если не уходить – то зачем усложнять?

Вернувшись в институт, я посмотрел на доске расписание и побрел к аудитории в ожидании встречи с незнакомыми пока людьми. Встал у двери за пятнадцать минут до лекции и приготовился ждать. Первый пришел Женя, мрачный ботаник в очках. Я подошел, поздоровался.

Он пожал мне руку без всякого интереса и достал из сумки свежий «Спорт-Экспресс». (Через неделю у нас уже был график – мы покупали газету по очереди, чтобы не палить зря деньги. В валютном эквиваленте моя стипендия уже упала до семи долларов.)

Женька читал пятую страницу, приблизив газету вплотную к толстым стеклам очков. Отчеты о НХЛ, как сейчас помню.

– Любишь спорт? – спросил я.

Он кивнул. Словно отгоняя от себя надоедливую муху.

– А какие спортивные секции на потоке? – снова спросил я.

Он понял, что я не отстану. Сложил газету и убрал в сумку.

– Лыжная. Футбольная. И еще спецназ.

При слове «спецназ» я зашевелился. Вспомнил былое, запах раздевалки, выцветшее от пота и стирок черное кимоно, голос тренера.

– Ой, – сказал я. – А к кому можно прийти, чтобы записаться?

Он посмотрел на меня с недоверием.

– У меня черный пояс по карате, – пояснил я. – Правда, всего первый дан, но все равно... Там кто из нашей группы?

– Я, – сказал Женя со своим вечным мрачным настроением.

– О-о, – протянул я, не зная, что еще сказать, и повторил: – О-о...

– У меня минус семь, – сказал он и поправил очки. – Еще Лена ходит, у нее врожденный порок сердца, ей обычные нагрузки противопоказаны. Приходи...

Женька был страшный приколист и редкая умница. Я у него списывал задачи по квантовой механике. И безумно вывел его из себя, когда единственный в группе получил пятерку по «теории атомных станций».

Просто повезло. Вытащил именно тот единственный билет, который не только знал, но и понимал. Я был бы рад и тройке. К пятому курсу я понимал, что вряд ли буду работать по профессии. А Жене поставили четверку. Он знал всё, но

начал спорить с профессором и доспорился до потери одного балла.

Денег не было, и с этим надо было что-то делать. Но у Андрея была идея, живо обсуждавшаяся в нашей секции карате. Уже другой, куда ходили ребята постарше и посерьезнее. Я пришел со своим черным поясом и поймал на себя взгляд тренера. У друга был белый, хотя он был первый в городе боец.

Тренер вызвал меня в центр зала, сам стал со мной в пару. К этому дню я удачно успел посмотреть все фильмы про Шаолинь, все фильмы с Брюсом Ли, Чаком Норрисом и Ван Даммом. Поэтому было больно, но не обидно.

Понимал, что новичков всегда бьют. Или – если хотите – испытывают.

– На черный пока не тянешь, – сказал тренер, подытоживая.

Боль прошла в раздевалке. Когда друг Андрей сказал вслух, что есть возможность купить вскладчину фуру водки. Фура водки в девяносто первом – это была валюта посильнее доллара. Доллары попадались фальшивые, а к паленой водке народ относился спокойнее.

У меня были деньги на ящик. У Андрея на три. Продать бутылку с рук можно было в два раза дороже – это если сразу. Я представил, как продам ящик, на вырученные деньги куплю два, продам их и куплю четыре. Потом продам четыре

и заживу...

Мы передали деньги вожаку этим же вечером и принялись ждать фуру. Фура пришла, встав на стоянку в тайном месте на окраине, и мы приехали с тележками на колесах за своей долей. Забрали. Дело было вечером. Домой водку нести было нельзя. Сейчас я удивляюсь – почему так? Но тогда мы точно понимали, что домой ее не принесешь.

– Может, к тебе в гараж? – спросил я.

Это была правильная мысль. Но Андрей вдруг стал строить рожи, сказал, что это совершенно точно исключено. Я не понимал, но не настаивал.

Что делать мы не знали, пока его не осенила идея.

– Спрячем в лесу, – сказал он.

Лес был проходной. Больше напоминал запущенный парк. Но выхода не было. В одиннадцать вечера, с подпрыгивающими на корнях колясками и лопатой в руке, мы были в лесу.

– Надо рыть яму, чтобы спрятать надежнее, – решил Андрей и посмотрел на меня.

Я был моложе. И более подготовлен – каждую весну и осень копал огород, ненавидя это занятие.

Сначала копал я, потом он, потом снова я. Мы аккуратно сложили четыре ящика водки в яму, накрыли их мешковиной, положили сверху доски и засыпали сначала землей, потом листьями.

– Супер, – сказал он. – Никто не найдет.

И даже не подозревал – насколько был прав.

Следующим вечером, уже имея оптового покупателя на весь товар, мы пошли в лес. С лопатой, фонариком и колясками. Мы шли и шли, и шли. Пока Андрей не спросил:

– Кажется, здесь?

Я кивнул и копнул землю на пробу. Земля была твердой.

– Не, – сказал я. – Просто похоже. Береза такая же.

И тут нам стало страшно. Лес был большой. Преимущественно березовый. Ночной и какой-то одинаковый.

Мы сидели на лавочке у его подъезда и пили напиток с удивительным названием «Бахмаро». Руки подрагивали, всё тело ныло. Еще бы, столько копать.

– Настоящее приключение, – сказал Андрей. – Два юных мореплавателя нашли на необитаемом острове сундук капитана Флинта.

Я сунул руку в карман, где лежали четыре зеленых полтинника. Убедился, что они на месте.

– Брат, – сказал я, – объясни, почему мы в гараже водку не спрятали? Хорошо, что нашли эту чертову березу.

Шел третий час ночи. Август пытался убаюкать нас своим теплом, но у него это получалось плохо. Копать в лесу – знаете, это очень бодрит.

И тут, словно нарочно, входная дверь скрипнула, и из подъезда вышел папа Андрея. Мы привстали, изумленно глядя на дрожь, которая била его тело.

– Ты... – сказал папа, и от его интонации стало страшно.

– Папа, я тебе всё сейчас объясню, – сказал друг.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал я.

Ничего не понимая, но понимая, что лучше мне удалить-ся.

– Понимаешь, братик, – сказал Андрей. – Была параллель-ная тема.

Мы сидели в раздевалке, он был грустным.

– Какая? – спросил я.

– Картошка, – сказал он. – Можно было взять «КамАЗ» картошки.

– В смысле? – спросил я.

– В прямом. Игорь Иваныч подбил меня, мы арендовали на день самосвал и с утра поехали во Владимирскую область, где его деревня.

Я решительно не понимал.

– Я с нашим Горпо договорился, что они картошку возьмут по хорошей цене, весь грузовик. А там мы у бабок купим раза в три ниже. Отобьем аренду и еще останется столько, что не пожалеешь, что поехал.

– И что? – спросил я.

Андрей был взвинчен. Выглядел очень необычно.

– Бабок азербайджанцы запугали. Ездят вечерами, требуют продавать только им, задешево. Нам продавать боялись. «У меня только ведро, у меня тоже только ведро».

– И вы, – начиная понимать, сказал я...

– Да! – крикнул он. – Да, да, да! И мы поехали на гастроли.

Я теперь экскурсоводом могу работать. Деревня Травинино. Деревня Луковка. Пустынка, Ягодино. Осиновая грива!

Андрей уже кричал. Я подвинулся к нему, обнял за плечи.

– «КамАЗ» трехтонник или пятитонник?

Он помолчал. Сказал спокойнее:

– Трех.

У водителя смена кончалась в шесть вечера. В шесть они только собирались выезжать в сторону дома. Водитель называл стоимость своего часа в сверхурочные, друг с Игорь Ивановичем обалдели – но выбора не было. В девять они были дома. Проехав миллион деревень, останавливаясь у каждого дома.

– Высыпать у подъезда? – спросил их равнодушный водитель.

– Да, это не водка, – сказал я, представляя картину маслом. – В лесу не спрячешь.

Андрей закивал. Глаза у него блестели как-то совсем нехорошо, я даже подумал – может, не стоит сегодня становиться с ним в пару? Мало ли что...

– Гараж, – сказал он. – Мы приехали в гараж. Хорошо, что он был отдельный, а не в ГСК. Туда машина бы не прошла.

Он открыл ворота, водитель подогнал машину вплотную. Поднял кузов, и три тонны картошки оказались внутри. Три тонны – это пятьдесят мешков. Или сто пятьдесят ведер.

– Кто же знал, что папе срочно понадобится машина, – сказал он. – Папа болел, сидел с температурой на больнич-

ном.

– Подожди, – сказал я. – Ты хочешь сказать, что машина осталась в гараже?

– А где же еще? – спросил друг и засмеялся. Как-то совсем нехорошо.

– Папа подошел, – сказал он, – открыл замок. Взялся за ручку. Потянул...

– И не смог зайти? – спросил я, представив картину.

– Зайти! – сказал Андрей. – Нет, не смог. А ему надо было срочно на работу. Срочно!

– Ту Люсю... – сказал я. Сочувствуя то ли папе, то ли другу.

В зале уже шла разминка. А мы все сидели.

– Знаешь, что самое неприятное в этой теме? – спросил друг. – Не то, что мы с папой теперь не разговариваем. И не то, что гараж весь перепачкан.

– А что же? – спросил я, не понимая.

– А то, – сказал он, привставая. – То, что в Горпо в этот день привезли картошку и Маслов мне сказал, извиняясь, что наша ему уже не нужна. Что ее просто невозможно взять, даже по себестоимости.

Мы вбежали в зал, пристроились к бегущим по кругу парням.

– Брат, – сказал я. – Могу мешок купить. Для себя. Пока деньги есть.

– Я тебе его подарю, – пообещал он. – Хочешь даже два?

– Хочу, – сказал я.

Хотя на балконе и так не было места.

Случай

Ираклий поехал в командировку. В Мюнхен.

Поехать в Мюнхен на пару дней – уже счастье. А чтобы на месяц... Мюнхен божественен. Парки, магазины, улицы, памятники, рестораны.

Он влюбился в этот город с первого взгляда. Мариен-платц, невероятный рынок слева от этой площади. Старый город. Опять-таки парки. Пиво с сосисками.

Ираклий был компьютерщик. И на удивление нормальный человек, что в этой профессии бывает нечасто. Любил уезжать из дома. Там вроде было все в порядке, но каждый год отдалял их с женой друг от друг всё безвозвратнее.

Школьный роман, продолжившийся пять институтских лет. Перед дипломом они поженились. Я, как и каждый из гостей на их свадьбе, не представлял другой развязки. Моим подарком была ваза из горного хрусталя. Она мне так нравилась, что приходилось в гости ходить с цветами – чтобы еще раз полюбоваться на нее.

Однажды я пришел, а цветы поставили в другую вазу. Я поднял брови.

– Прости, – сказал друг, отводя взгляд. – Разбил.

– Бывает, – вздохнул я. И пошутил, без задней мысли: – На следующую свадьбу красивее подарю.

Но он не засмеялся, отчего шутка стала не просто не

смешной, а дурацкой. Разговор иссяк.

Мы сидели. Молчали. Потом я спросил:

– А как разбил?

– О стенку, – сказал он и посмотрел на меня.

Без какого-либо намека на вину во взгляде.

– Как это? – не понял я.

Она приезжала с работы в начале восьмого. А тут не приехала. И в девять. И в одиннадцать.

Мобильных телефонов тогда не было. Рабочий не отвечал. Теще звонить было уже поздно, да и не было ссоры, чтобы она ушла ночевать к маме, не предупредив.

В час Ираклий вышел из квартиры, спустился на улицу. Сел у подъезда. Сидел-думал. Сначала – что делать? Потом – сможет ли он прожить без нее?

Посидел минут двадцать и вернулся в квартиру.

Она открыла входную дверь в половине второго. Увидела свет в комнате.

– Извини, – сказала она, но не подходя, а из коридора. – Аврал на работе. Просто трындец. Закрутилась.

Жена была главбухом, работала с третьего курса и как-то быстро шла по служебной лестнице. Детей не было, можно было выходить на работу в субботу. А если очень надо – и в воскресенье.

Ираклий встал, чувствуя, как вулкан внутри него либо начнет извергаться наружу, либо сожжет его своим жаром.

– Мне твоя ваза очень нравилась, – почему-то шепотом сказал он. – Такой... символ нашей свадьбы.

– А что она ответила? – спросил я, представив эту сцену.

– Ничего, – сказал он. – Пошла в душ.

– Хреново, – сказал я. – Если бы скандал или слезы прощения, было бы понятно.

– Хреново, – согласился он и посмотрел на свои руки.

Я тоже посмотрел. Кольца на безымянном пальце не было.

– Почему? – спросил я.

Ираклий поднял ладонь к лицу, разглядывая.

– Знаешь, совсем не чувствую себя женатым.

Он иногда надевал кольцо, иногда снимал. Мне было смешно, ему тоже.

– Я думаю, что всё, – признался он.

– Развод? – догадался я.

Он кивнул. Потом сделал из губ какую сложную фигуру, словно девочка у зеркала женского туалета для селфи.

– Когда? – спросил я.

Мы сидели вечером у него. Жена была на работе. Как всегда.

– Она меня любит, – вдруг сказал он, как-то неуверенно.

Я ничего не ответил.

– С седьмого класса вместе. – Столько времени потерял.

– Думаешь? – спросил я.

– Я не знаю, – сказал он. – Я не знаю, как поступить. Раз в

месяц она со мной такая нежная, что я потом хожу и думаю: а вдруг все изменится, станет как до свадьбы? Когда я знал, что я для нее – самое важное в жизни.

Я слушал, молчал. Вспомнил, как она запретила ему встречаться во время каждой из ее институтских сессий.

Его жизнь. Я мог только поддержать. Или сказать – что, на мой взгляд, будет с ним при каждом из вариантов, который он может выбрать.

Ираклий хотел купить симку, чтоб звонить в Москву с немецкого номера. Так вышло бы дешевле. Зашел в торговый центр, зашел в бутик с телефонами.

– Ничего себе фигуревич, – сказал ему коллега, показав глазами на ножки и попку, втиснутые в узкие брюки. – Материал! А говорят, что все немки жирные.

Девушка-консультант обернулась.

– Вы что, русские? – спросила она.

Она уехала за вторым высшим. Стремительно выучила язык. Освоилась. Осталась – по студенческой визе. Продолжала учиться, чтобы продлить свое удовольствие от Мюнхена. Совершенно не скучала по дому, но чувствовала себя одинокой без друзей и родни.

Они пошли гулять втроем. Потом коллега исчез. Они даже не поняли – когда.

Ираклий вернулся в гостиницу за полночь и вспомнил, что не позвонил жене на работу. Лег на кровать прямо в

одежде и начал вспоминать, как он когда-то гулял с женой в городских парках. Как ходил с ней в кино.

И как она стала жить на работе. Или работой...

Через воскресенье они пошли на пикник. Купили в магазине колбасы, сыра, бутылку вина, фрукты. Английский парк тянулся через весь город, места хватало всем.

Они пришли в парк около трех. А в девять поняли, что стемнело. Надо было уходить.

Собрали вещи, пошли, болтая, вдоль речушки. И взяли друг друга за руки.

Шли, потом она вырвала руку и зарыдала.

– Зачем?! – кричала она, всхлипывая, отчего ее лицо сразу стало некрасивым. – Зачем ты это делаешь? Ты уедешь, а я останусь.

Мимо шла пара пожилых немцев. Остановились, что-то спросили. Он разобрал только слово «полицай».

– Данке, данке, алес гуд, – сказала она им, стараясь успокоиться.

Немцы пошли дальше, оглядываясь. Они остались.

– Я же хочу быть с тобой, – сказала она. – Ты же понимаешь. А ты женат.

– Я понимаю, – сказал он.

Две недели они провели, практически не расставаясь. А потом он улетел.

– Я уже успокоилась, – сказала она ему в аэропорту. – Как будет, так будет.

– Я хочу развестись, – сказал Ираклий жене. – То, как мы живем, в этом нет никакого смысла.

– Хорошо, – сказала она.

Хотя глаза были полны слез. У обоих. И вовсе не оттого, что им просто было жаль потерянного времени.

В ЗАГСе их спросили, кто будет платить пошлину.

– Он, – сказала жена. Единственный раз подпустив яд в свою интонацию.

Через месяц они пришли забрать свидетельство о разводе.

Надо было что-то сказать. Сказала она:

– Так странно, что мы уже не вместе.

Хотя это было не совсем так. Квартира еще принадлежала им обоим.

Просто жили они теперь в разных комнатах.

А так, если посмотреть со стороны, всё оставалось как прежде. У нее своя жизнь, у него своя.

Ираклий выпросил себе новую командировку в Мюнхен. Прилетел через две недели после развода. Она бросилась ему на шею в аэропорту, и он понял, как же он по ней соскучился.

Через минуту, когда они смогли отлипнуть друг от друга, он полез в сумку, вынул паспорт. И показал ей штамп о разводе.

Они заехали в отель. Он пошел в душ, она пришла к нему.

Когда они лежали в кровати, она приподнялась на локте

и вдруг сказала:

– Ты какой-то другой.

Отодвинулась от него, рассматривая.

– Ты другой!

И зарыдала.

Он лежал и думал. Сначала о ней, потом о себе, потом о работе.

Она прилетела в Москву. Он ее встретил в аэропорту. На половине пути они заехали в ресторан, оба были голодные.

Сделали заказ. Сидели и смотрели друг на друга.

– Поехали в клуб, – сказала она. – Напьемся и выскажем все друг другу. Чтобы ни о чем не думать.

– Мне рано вставать, – отказался он. – Поехали и выпьем у меня дома. И всё выскажем.

– Не хочу, – не согласилась она. – Я хочу поговорить с тобой, отключив мозг. А у тебя дома не смогу.

Ираклий смотрел и думал, как же всё это странно. И в то же время – правильно.

– У нее была миссия, – сказал я ему. – Помочь тебе развестись.

– Да она не такая... – сказал он и замолчал, не закончив фразу.

– Согласен, – сказал я. – Она не такая. Будем искать.

Он женился через год. На девушке с работы. Она пришла к ним после института, и у них как-то сразу всё получилось.

Родился первый ребенок, затем второй.

На свадьбу я подарил им вазу. Только не хрустальную.

Из серебра.

Гриб

Максим был человеком влюбчивым. И легким на подъем, как большинство давно разведенных мужчин творческой профессии.

Он писал стихи. Был профессиональным поэтом. Кстати, неплохо зарабатывая на этом.

Стихи были великолепные. И не только про любовь.

У него хватало не только друзей, но и поклонниц. Все они были похожи – успешные, средних лет и перманентно одинокие.

И вдруг появилась та, что была ни на кого не похожа. Начала писать стихи – на его сайте. Хорошие, нежные.

Когда Максим понял, что стихи ему нравятся и он ждет с возрастающим интересом каждого нового, она пригласила его на свидание. У театра Вахтангова, в восемь вечера.

Поэты – люди преимущественно ленивые. Ухаживание за собой воспринимают как нечто должное. И всегда готовы к встрече с музой.

Была осень, и моросил дождик. Не то чтобы сильно, а так, по-мерзкому.

Максим по привычке немного опоздал. Минут на десять. А у театра никого не было. Арбат вообще был удивительно пуст для раннего вечера. Он стоял, смотрел, как у лотка с книгами из разряда «всё по пятьдесят рублей» что-то ищет

существо непонятного пола и возраста, больше похожее на гриб, чем на человека.

Потом обернулся назад. Никого не было.

Следовало бы позвонить музе, но он почему-то оттягивал этот момент. Подошел к книгам, стал их разглядывать. Сосредоточиться не получалось.

Мысли были только о женщине, которая не пришла. Ему показалось, что все ее стихи были наполнены такой влюбленностью в него, что он сам уже почти влюбился. И от того, что она обманула и не пришла, влюбленность ощущалась острее.

Наконец он решился и набрал ее номер, который она написала ему, когда они договорились о встрече.

И тут раздался звонок. Обычная мелодия «Нокии».

Гриб зашевелился, посмотрел на него и сказал:

– Давай-давай проверяй. Да, это я.

Максим хотел сбежать, но он был джентльмен. Поэтому остался, лихорадочно ища выход.

От нараставшего ужаса он начал что-то очень бурно говорить, размахивая руками. Чтобы только не было тишины. И чтобы она ничего не успела сказать. Предложил зайти в кафе. Там еще на пороге заказал бутылку вина – и выпил ее за пять минут. Она смотрела на него, гипнотизируя. Сказала:

– А что мне не налил?

Принесли вторую.

И тут Максиму позвонила старая знакомая. Красивая успешная дама, которая в тот вечер открывала свой бар. Ска-

зала: приезжай, отметим без публики, будут только свои.

– Подруга звонила, – сказал он, упорно глядя только перед собой. – Сегодня у нее открывается ресторан.

– Что, – сказал гриб, буравя поэта цепким взглядом, – сейчас бросишь меня и сбежишь?

– Можем поехать вместе, – сказал он и сам офонарел от этих слов.

Бар был в самом центре Москвы. Публика соответствовала месту. Луи Виттон, Прада, Биркин – все как полагается.

Максим расцеловался с хозяйкой.

– Я хотела тебя со своей подругой познакомить, – сказала она и вдруг увидела, что он не один.

Гриб был рядом. В шляпке, которая соответствовала этому месту так же, как дворник-таджик клубу «Zelo's» в Монако.

– Это... – сказал Максим, переминаясь с ноги на ногу. – Это...

– Марина, – сказал гриб, с ненавистью глядя на подругу, с которой хотели познакомить поэта.

Длинноногую, хорошо одетую. С длинными ухоженными волосами.

– Марина тоже пишет стихи, – сказал поэт.

– А... – безразлично сказала хозяйка.

– Не знаете, как вызвать полицию? – вдруг спросил гриб.

На нее смотрели настороженно.

– У меня своя турфирма, – сказал гриб. – Вчера пришел кавказец, принес паспорта молодых девушек. Хочет вывезти их в рабство и сделать проститутками. Им нужна испанская виза. Я отказалась.

Максим стоял и думал, какой же он идиот. Почему же он не сбежал сразу, почему привел ее сюда?

– Какая же вы молодец, – сказала хозяйка, закрывая тему.

– Он сходил к машине и принес автомат, – сказал гриб. – Направил на меня и начал стрелять. Я чудом осталась жива.

– Надо ехать в полицию, – сказал Максим. – Срочно поезжайте, я вызову такси. Им надо это обязательно рассказать! Какой здесь адрес?

Такси приехало через пять минут. И увезло гриб.

«Стереть ее номер, – думал он. – И чтобы больше никогда, никогда ничего такого».

И пошел с бокалом вина к подруге хозяйке. Знакомиться. Его телефон тренькнул. Пришла эсэмэска.

«Я не успела всё сказать. Они украли моего сына. Он был с мужем в Барселоне. Мужа ударили по голове, он потерял сознание. Что мне делать? Помогите! Мне больше не от кого ждать помощи».

Он ждал звонок от сына. От своего. Не мог выключить телефон.

«Ты ведь сейчас с ней, да?»

«С этой длинноногой шлюхой, да?»

«Ты не понял меня и прошел мимо. Мимо своей единственной».

Шел второй час ночи. Он сидел и думал – отправить ей эсэмэску: «Не пиши мне больше» или «Да пошла ты на...» – и не мог выбрать правильный ответ.

А эсэмэски сыпались безостановочно. Как мука из дырявого пакета.

«Не пиши мне больше никогда».

«Ты сделал мне больно. Я решила отравиться, и ты не простишь себе этого никогда».

– Господи, какое счастье, – сказал он вслух, прочтя последнюю. – Только бы она не передумала.

Сообщения все шли и шли.

«Это Аня, сестра Марины. Ее увезли в больницу. Она умирает и просила вам передать, что будет ждать вас. Вы приедете?»

«Марине делают операцию».

И наконец:

«Марины больше нет».

Максим вытер пот.

– Никогда, – сказал он себе, поднимая стаканчик виски. – Слышишь? Никогда!

Выпил и тут телефон снова тренькнул. Он взял его и прочел:

«Это Марина. Слухи о моей смерти оказались сильно

преувеличены».

Колдовство

Я смотрел на нее и думал, но не о ней, а о Тарковском. Ветер ласкал ее волосы, точно собираясь уложить их по-новому, она постоянно придерживала их руками. Когда у тебя такая прическа, пить кофе на ветру, наверное, не очень удобно. Но это было настолько красиво – когда волосы облепляли ее лицо, то скрывая его, то показывая снова – что я сидел и вспоминал Тарковского. Трепещущие занавески. Рябь, пробегающая по лугу, словно по воде.

Ей было хорошо за пятьдесят, но она выглядела так, словно возраст не имел к ней никакого отношения. Отличная фигура, красивая дорогая одежда. Большие темные очки прятали глаза и, вероятно, морщинки в их уголках. А ветер, игравший с ее волосами, на секунду заставлял поверить, что она намного моложе – когда лицо пропадала за светлыми прядями, а потом вновь открывалось тебе.

Я заметил, что она тоже смотрит на меня. Почувствовал взгляд по положению ее головы и смутился. Сказал:

– Прошу прощения.

Но не выдержал даже минуты и снова стал смотреть на нее. Она выпила кофе, легко поднялась и пошла к «Лексусу», припаркованному прямо на тротуаре. У «Кофемании» на Кудринской никто не парковал машины так, как она, но ей никто не сделал замечания.

«Может быть, хозяйка, – подумал я. – А может быть, таким женщинам не делают замечания – в принципе». В ней не чувствовались властность или сила. Но она вся была наполнена какой-то удивительной красотой.

Она вернулась, заказала еще кофе. Походка у нее была удивительно легкой для ее возраста, да и вся она была необычайно стройная и при этом без малейшего намека на худобу. Стройная сама по себе, а не благодаря фитнесу. А голос был хрипловатый. Наверное, она много курила.

Я почему-то вспомнил, как давным-давно увидел фотографию, на которой Киану Ривз обнимал за плечи очень красивую и очень немолодую женщину. У него в руке был бокал с шампанским, у нее в руке был бокал с шампанским. Они улыбались и были очень счастливыми. Какая-то актриса. Очень похожая на нее.

– Поехали? – спросил Сергей.

Он уже спешил. Всё то время, что я смотрел на нее, он говорил по телефону. Обсуждал какие-то рабочие вопросы.

– Поехали, – сказал я и знаком показал официанту, чтобы он принес счет.

Ветер снова закрыл ее лицо волосами. На это можно было смотреть бесконечно, как на волны в море.

И тут случилось чудо. Длинный светлый волос прилетел к нашему столу и лег другу на плечо. На черной ткани его было хорошо видно.

Я хотел снять волос. Чтобы просто прикоснуться к нему,

почувствовать его руками. Но подумал, что это неспроста. Что разные колдуны используют волосы для заклятья. И это капкан, ловушка. Сейчас дотронусь – и буду вспоминать ее всю жизнь. А мне было достаточно этого получаса. Чтобы это воспоминание не обернулось проклятьем и памятью.

Пришел официант. В ярком, по случаю нового сезона, наряде. Столько лет они носили в «Кофемании» черное, а вот теперь переоделись.

– Едем? – повторил Сергей, вставая.

– Едем, – сказал я.

Она осталась, сидела и смотрела в телефон, а не на то, как мы уходим.

«А ведь наверняка она колдунья, – сказал я себе. – Но ловушка не сработала».

Беги, Гензель. Беги.

Сережа видел, что я молчу, и тоже молчал. Мы ехали по Садовому, ушли на Проспект Мира. Когда проехали Рижский вокзал, я почувствовал, что могу говорить. От того притяжения не осталось ничего.

– Как дома? – спросил я.

– Дома? – переспросил он. Не удивляясь вопросу, а медленно вступая в разговор. – Дома – никак.

Я поднял брови.

– Никак, – повторил он.

– Почему? – спросил я.

– Поехал кататься на велосипеде с Аленой, – сказал он. –

Едем-смеемся, увидели палатку с мороженым. Остановились, купили два вафельных стаканчика.

– Их еще продают?

– Продают. Сели на лавочку в парке. Едим, смеемся. Она мне руку на плечо положила. И тут я понимаю, что на меня кто-то смотрит... – Он замолчал, пропуская влезавший под нас грузовик.

– Да ладно, – сказал я.

Я понимал его с полуслова. Двадцать пять лет вместе. Достаточно было услышать интонацию, чтобы понять, что у него случилось. С Аленой он встречался лет пять. Она сначала ждала, что он уйдет к ней от жены. Потом не ждала. И жена тоже ждала – что он уйдет. И продолжала ждать. Даже не зная толком, что происходит с ним, когда он не дома, когда не с ней.

– Она никогда ее не видела?

– А зачем? – спросил он. – Если бы увидела, были бы проблемы. Для всех троих. Вот теперь увидела.

У Алены были красивые светлые волосы и модельная внешность. Насколько это возможно при росте ниже метра шестидесяти. А жена была высокой, статной, черноволосой. Когда я впервые увидел Алену, то подумал – большей противоположности жене он не мог найти. Два полюса его жизни.

– И как это было? – спросил я.

Сергей пожал плечами.

– Она подошла, сказала: «Я так давно хотела познако-

миться». Я посмотрел на нее, спросил: «Мороженое хочешь?»

– Подожди, она что – села с вами на лавочку? – спросил я.

– Села, – сказал он.

– И мороженое взяла?

– Взяла.

Мы замолчали.

– А дальше что? – спросил я.

– Не знаю, – сказал он и повторил. – Не знаю.

– Сам ты что хочешь? – поинтересовался я.

– Спокойствия, – вздохнул он. – Я устал. И на два дома жить устал. И оттого, что так тянется это всё.

– Ты хочешь сказать, что жена не скандалила?

– Нет, – сказал он. – Когда тебе пятьдесят, скандалить уже не очень хочется – если есть такой повод. Вот когда не было повода, она скандалила.

– Фигня какая-то, – сказал я.

– Фигня, – сказал он.

Он привез меня, я вылез. Посмотрел на него.

– Терпения, друг, – сказал я. – Это еще надолго.

Сергей поджал губы, поднял руку. Повернулся и уехал.

Я лежал на диване, наслаждаясь тишиной. Дремал, что-то вспоминая, о чем-то думая. И тут зазвонил домофон. Так настойчиво, что нельзя было не встать.

Я подошел и увидел, что это он. Открыл. Сережа прошел,

сел за стол.

– Чаю или кофе? – спросил я. – Или что-нибудь выпьешь?

– Налей мне пятьдесят, – попросил он.

Я ничего не спрашивал. Налил. Сел рядом.

– А ты? – спросил он.

Я налил и себе.

У него тренькнул телефон. Пришла эсэмэска. Сергей покосился на телефон, я тоже.

– Жена? – спросил я. – Или Алена?

– Алена в Зарайске, у родителей, – сказал он. – Вторую неделю гостит. Отпуск.

– А-а, – кивнул я. – Понятно. Жена?

– Жена, – сказал он. – Пишет, что за вещами могу зайти завтра, когда она будет на работе.

– Чего-чего? – не понял я.

Он посмотрел на меня.

– Пришел домой. Открываю дверь. В коридоре она. Спрашивает: «Где был?» Я сказал: ездил по делам. Она руку мне на плечо кладет, я думал – обнять хочет. А она сняла с меня чей-то волос, белый, как у Алены, показала и говорит: «Может, тебе надо было брюнетку найти? Чтобы я ни о чем не догадывалась?»

Я окаменел.

– Я ей говорю: «Ты с ума сошла от ревности. Я был в Москве с другом по делам».

– А она?

Сергей допил чай, налил еще.

– Я переночую у тебя? Алена завтра вернется.

– Конечно, – согласился я.

– Может и неплохо, что всё так, – сказал он.

– Может и неплохо, – сказал я.

Он пил чай. С домашним яблочным пирогом. Я сидел напротив и смотрел на него.

Всё смотрел на него и думал: рассказать или нет?

Лепс

Андрей вернулся. Плюхнулся за столик. Он дышал как-то странно, да и не только дышал – выглядел странно. Смотрел одновременно на нас и себе за спину. Как ему это удавалось, я не понимал. И пробовал разглядеть за его плечом – что именно там он выглядывает.

– Ну, за нас! – сказал Никита, и мы сдвинули стаканы.

Виски с яблочным соком. Я предлагал без сока, но они меня уговорили.

Я допил до дна и разгрыз подтаявший кубик льда, чтобы хоть чуточку остыть. В клубе было душно, вентиляция не справлялась с запахом десятка сигарет. Мне казалось, что я сам уже закурил, хотя это было не так. «В душ, а одежду в стирку. И не просто в душ, а еще и волосы обязательно вымыть», – думал я. Но уходить пока не собирался. Так, строил планы на ближайшую перспективу.

Было около часа ночи. Малолетки толпились у барной стойки; те, кто постарше, сидели за столиками. Нас было трое, и девушек, сидящих через пару столиков, тоже было трое. Андрей смотрел на них, не отрываясь. И мы вслед за ним тоже.

– Это ведь она? – спросил он.

Я без очков видел приблизительно. Никита был более глазаст, но не знал о ком идет речь. Поэтому мы сидели и гада-

ли. Она или не она? Не то чтобы бывшая. Не успевшая стать бывшей, но уже бывшая.

Эта конструкция была такой сложной, что я потянулся за бутылкой и снова налил по пятьдесят.

– Правильно, что взяли бутылку, – сказал Никита. – Люся сама говорит, что порциями в клубах брать рискованно.

Люся была управляющей. Люсю мы знали еще со школы, в отличие от официанток. Мы подняли стаканы, салютуя друг другу – нашей дружбе, этой ночи, будущему.

– Я ей позвоню и тогда точно узнаю: она это или нет, – сказал Андрей и быстро выпил. Вытащил из кармана телефон.

– Прекрати, – сказал я.

– Час ночи, – запротестовал Никита. – А если это не она?

– Наоборот, – перебил его я. – А если это она?

Они уставились на меня. Виски – мой лучший учебник по психологии.

– Если это не она, не проблема. «Прости, но я безумно скучаю, не могу спать» и бла-бла-бла, как пойдет. Но если она? Ты что, будешь, сидя в пяти метрах, орать ей сквозь музыку «Привет, как дела?!» и не слышать, что она отвечает?

– Да, – сказал Никита. – В первом случае ты придурок, а во втором жалкий придурок.

Андрей сидел, раздавленный логикой. Он её почти уже любил, а она прогнала его, после того, как он её проводил домой из театра и поцеловал в лифте.

— А что ты хотел? — сказал я. — Может, она не хотела в театр? Или не хотела целоваться в лифте? Или, может, хотела, чтобы ты не уходил, а ты ушел.

— У нее мама дома была, — объяснил он. — Не могу же я в тридцать пять целоваться при маме.

— Да хоть при папе, — насмешливо кинул Никита.

И налил. Бутылка заканчивалась. Надо было брать еще одну. Или не брать. Всё зависело от обстоятельств.

— Значит, так, — сказал Никита. — Я иду к диджею и говорю ему, какую песню поставить. И ты сразу, как только я окажусь у его пульта, вставай и иди к ней. А то кто-нибудь её под эту песню пригласит.

Мы посмотрели на девочек за столиком. Девки были видные. На них посматривали не только мы, план мог рухнуть из-за промедления.

— А что за песня-то? — спросил Андрей, осмысливая и робея.

— Безотказная, — объяснил Никита.

Он встал и пошел.

Даже я заволновался. Мы смотрели то на столик девушек, то на Никиту. Он сказал что-то диджею и махнул нам.

Я толкнул Андрея. Он покорно встал и пошел. Под звуки лучшей из романтических песен.

— Ночь по улицам прошла... — сказал одобряюще всем нам Григорий Лепс.

Андрей навис над девушкой сбоку, что-то сказал ей на

ухо. Взял за руку и повел в центр зала.

«Лепс, – думал я. – Не подвел, красавец».

– Ну как? – самодовольно спросил Никита. – А-а?

– Ни хрена без нас не может, – согласился я.

Мы чокнулись. Потом обнялись. От избытка чувств.

– Может даже не узнать среди тысяч женских лиц!

– Лепс в теме, братик, – сказал мне Никита. – Андрюха точно может не узнать.

– Ты как хочешь, а я пойду, – сказал я и встал. – Сейчас приглашу кого-нибудь.

Две девушки за тем столиком остались сидеть. Пили шампанское. Или просекко.

– Блондинку или другую? – спросил я и пошел.

– Блондинку! – крикнул Никита.

Мы кружились. Надо было что-то сказать. А может, и не надо.

– Как тебя зовут?! – крикнула она, но Лепса перекричать всё равно не смогла.

Я подумал и крикнул в ответ:

– Никита!

– Здрóрово! – крикнула она.

Я смотрел на Андрея. Он тоже что-то кричал. А его почти бывшая нет.

Лепс замолчал. Музыка тоже.

Мы отвели барышень к их столику. Он поклонился, я подмигнул.

– Ну что? – спросил Никита. – Она?

– Похожа! – ответил я.

– Я не знаю, – растерянно сказал Андрей.

Мы посмотрели на него. С бесконечным интересом.

– Я её спросил: как вас зовут? – сказал он. – А она говорит: Таня. И смотрит на меня как-то странно. Я думаю: «Вот debil, точно она».

– И что? – спросил Никита. – Дальше-то что ей сказал?

– Я спросил: а как ваша фамилия?

Я заржал. Высокомерно и взхлеб.

Андрей пожал плечами:

– А что мне было делать? Я и сейчас сомневаюсь.

– Почему? – удивился Никита. – Фамилия совпала?

– Не знаю, – сказал Андрей невесело. – Первый слог точно, а дальше я не расслышал. Лепс так орет...

Я встал и пошел. За столиком была только она. Почти бывшая. Подруги или ушли в туалет, или танцевали.

– Привет, – сказал я и сел рядом.

– Привет, – кивнула она весело.

– Мой друг сошел с ума, – продолжил я. – Его надо или убить, или спасти.

Она засмеялась.

– Ты такой смешной.

Я её видел только раз. Вообще не помнил, какой у нее голос.

– Он тебе нравится? – спросил я.

– Кто?

Я показал на него. Андрей тянул шею, я махнул, подзывая. Она пожала плечами. Он пришел, сел рядом.

– Сейчас важный момент, – сказал я. – Готова?

Ей было смешно. Шампанское, в принципе, веселит.

– Я считаю до трех, ты называешь свою фамилию, и мы отпускаем его на волю, либо он будет мучиться всю оставшуюся жизнь.

Она хохотала.

– Это такой прикол?! – кричала она сквозь музыку. – Это очень смешно.

– Раз, два, три! – выкрикнул я сквозь музыку. – Ёлочка гори!

– Медведева! – хохотала она, и я засмеялся в ответ.

И друг засмеялся вместе с нами.

– Ты – это не ты! – хохотал он. – Не ты!

Коньяк на него действовал успокоительно. А вот виски нет.

– На дальний берег моря белого... – Это снова был Лепс.

Я встал, взял её за руку. Даже не сказал «Пошли», а просто повел.

– Эй, – сказал Андрей. – А я?

– Звони, – сказал я. – Вот теперь звони.

– Кому? – не понимал он.

– Бывшей, – бросил я ему, отдаляясь от столика и беря ее за талию. Потом – ниже талии.

– Как тебя зовут?! – крикнула она, прижимаясь.

– Да какая разница, – сказал я в ее горячее ухо. – Это просто танец.

Под Лепса было танцевать замечательно. Больше мне нравилось танцевать только под «Scorpions» или Иглесиаса.

Духи для Пушкина

– Я вернулся из Питера, – сказал Семен и важно посмотрел на меня.

– Ну да? – вяло отреагировал я.

Питером меня было не удивить. Вернее, поездкой в Питер. Я, конечно, позавидовал ему, как каждый нормальный москвич. Память сразу полоснула картинками Невского, Дворцовой площади.

Он достал из сумки фотоаппарат. Сумка была холщовой, и на ней трафаретные буквы спускались от ручек ко дну разноцветными словами – Nice, Nizza, Nicaea. Я увидел, как он идет с этим же самым фотоаппаратом по Promenade des Anglais, пытаюсь понять, в каком именно месте шарф задушил бедную Айседору, и глаза на «Negresco», – и потряс головой, отгоняя это видение.

Семен нажал на кнопку, объектив испытал эрекцию, зажегся экран. Он потыкал в какие-то кнопки, протянул аппарат мне.

– Вот, – сказал он.

На фото был он и квартира Пушкина. Я вспомнил, как несколько раз пытался туда попасть и все время приходил то в обеденный перерыв, то в санитарный день, то под закрытие. Так и не увидев ни диван, ни вольтеровское кресло, ни чернильницу с арапчонком.

– Замечательно, – похвалил я. Потом подумал и добавил: – А я бы в музее Дантеса побывал.

Семен вытаращил на меня глаза:

– Хе, ну ты даешь.

Я представил себе Эльзас, где я никогда не был. Крошечный городок, могилы Гончаровой и Дантеса. Виноградники. Гевюрцтраминер. И вздохнул.

– Ты бы не поехал? – спросил я.

– Он же Пушкина убил, – сказал он.

– Понимаю, – кивнул я.

Я вспомнил, как сборная выиграла на Сен-Дени у французов, когда Панов забил два мяча Бартезу. На следующий год после победы Франции на чемпионате мира. И заголовок в газете: «Привет потомкам Дантеса от потомков Пушкина».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.